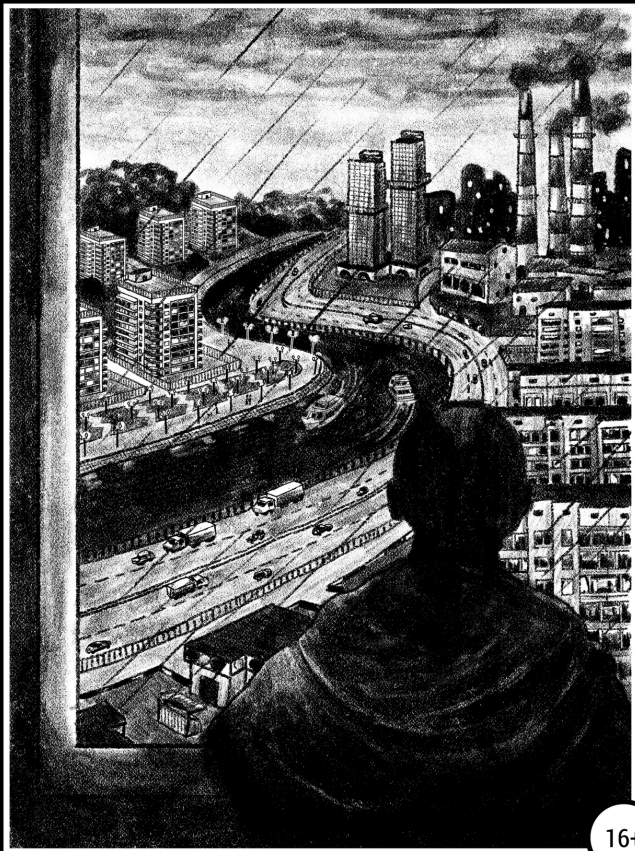

АЛЕКСАНДР ПАЛКИН

ГРАНД-ЛЕОНАРД

16+

Александр Сергеевич Палкин

Гранд-Леонард

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56954980

SelfPub; 2020

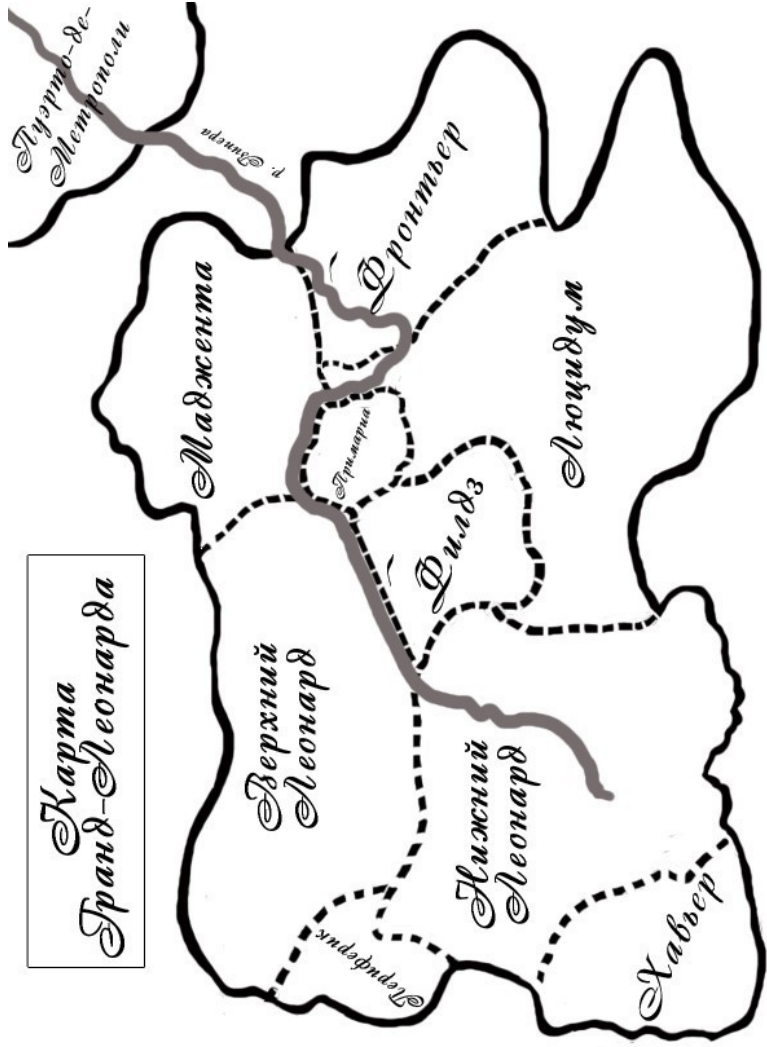
Аннотация

Первая книга о вымышленной вселенной, центр которой – сорокамиллионный мегаполис Гранд-Леонард. Пять произведений знакомят читателя с историями его жителей. Одни из них ведомы большими амбициями и ведут свою борьбу, тогда как другие ищут лишь тишины и покоя. Ненависть и любовь сражаются за место в их головах и сердцах, талант и страсть противостоят глупости и невежеству. И все это – на фоне нарастающего социального напряжения, которое грозит расколоть метрополию на враждующие территории. Каждое из произведений сборника без проблем читается отдельно, но при этом все они связаны между собой: некоторые персонажи встречаются сразу в нескольких историях, а их интересы пересекаются, приводя к новым жизненным ситуациям и переосмыслению окружающей действительности. К концу книги читатель собирает весь пазл под названием Гранд-Леонард, и в последующих книгах будет возвращаться в этот город с пониманием происходящего, среди новых лиц замечая знакомые, среди новых историй находя осколки старых.

Содержание

Предисловие	7
Оазис	9
Проблески	164
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Карта
Гранд-Леонарда

Особая благодарность людям, без которых этой книги не было бы: Литвиной Илоне Владимировне (редактор) и Кобозевой Татьяне Евгеньевне (иллюстратор).

Предисловие

Гранд-Леонард – метрополия, мегаполис из множества мегаполисов.

Высшая точка глобализации пройдена относительно недавно. Само понятие «национальность» выветрилось из памяти сорока миллионов жителей этого исполина. Эклектика царит в искусстве, унификация живет в головах. Иван, Готфрид, Пабло или Акира – назовите свое сына, как хотите, ведь этимология утеряна. Религия? Никто не помнит, что это и зачем, хотя до сих пор в разговорах проскакивают возгласы «боже мой!» и «бога ради!».

Однако не обольщайтесь. Деление на тех, у кого денег много, и тех, кто за них надрывается до грыжи, никуда не делось: чтобы кто-то жил хорошо, надо, чтобы кто-то жил плохо, и так будет в любом людском мире.

В нем все циклично: на смену одним предрассудкам и конфликтам рано или поздно приходят другие. Деление города на так называемые сектора или «гиперрайоны» когда-то было условным. Теперь же между ними назревает раскол: у каждого свое правительство, своя элита, сильные и слабые стороны. Дух благородного соревнования во всех сферах городской жизни постепенно мутирует в противостояние и социальную напряженность.

На таком пестром фоне, в разных частях Гранд-Леонар-

да, разворачиваются важные для персонажей рассказов события. Здесь есть место как посредственности, апатии, невежеству – с одной стороны, так и амбициям, страсти, таланту – с другой, ибо на каждый внутренний конфликт всегда найдется несколько межличностных.

Оазис

– Что ж ты, такая красивая, и все не замужем? Дело-то хорошее. Я тридцать лет со своим Феодором прожила. Как нам было хорошо... – свесив ноги с кровати, старуха с горькой ностальгией уставилась в окно.

Элинор устало потерла лоб. Ей хотелось смотреть куда угодно (даже на пожелтевшую оконную раму), только не на пациентку. Совсем у той голова отказала: пять или шесть раз было ей сказано, что замужем. Замужем! Но что теперь ждать от потерянных, забытых?

Она дала ей еще полминуты на разглагольствования о женском счастье, а потом подошла и, нацепив рабочую улыбку, погладила по плечу:

– Варвара, вам пора на водные процедуры. Давайте поднимемся, пожалуйста.

Та подняла на сестру-филомену растерянные серые глаза: очевидно, не услышала. Ничего нового. Люди с возрастом так погружаются в воспоминания, что вернуться в дряхлую реальность им все труднее и труднее. Кому-то не хочется, а другому не может быть в силу сдающего позиции рассудка. За годы работы в приюте Элинор чего только не насмотрелась.

– Что, деточка? Я же кушала недавно, не хочу более.

– Мыться, вам надо мыться, – она стала поднимать бабку, стараясь не терять терпения и оставаться приветливо-так-

тичной.

– А, мыться. Да, наверно, можно, – закрихтев, пациентка медленно встала на ноги, и до ноздрей молодой женщины долетел запах гнилых зубов и чего-то еще, очень неприятного, так что даже передернуло.

– Вот так, вот так, – обнимая Варвару одной рукой, а другой придерживая ее неистово трясущееся запястье, филомена медленно повела ее в купальную комнату.

Боже, только утром ее мыли, откуда этот прокисший запах от редких, до единого седых волос и от шеи? Старость не просто печальна – она отвратительна. Не только приближением смерти и тоской по ушедшему, но и всеми сопутствующими бытовыми реалиями. Болью, вонью, бессилием. Деградацией по всем направлениям. И полувековым грузом воспоминаний. Разве они их грели? Не похоже. Просто дразнили, как исчезающий за поворотом хвост поезда, на который куплен билет, но нет уже в ногах силы, чтобы догнать и запрыгнуть.

Покончив с давно опостылевшим делом, Элинор вернула постоялицу в дормиторий¹, уложила, накрыла одеялом, несмотря на полубредовые возражения. И почувствовала кратковременное облегчение: ее ждали тридцать минут обеда вдали от стариков.

Коллеги Люсьена и Лидия еще не подошли, зато за круг-

¹ Дормиторий – здесь: палата; комната в пансионе либо спальня в апартаментах, частной резиденции.

лым столом в маленькой кухне-кантине уплетала суп из термоса Мария. Элинор устроилась рядом, достав бутерброды и налив себе чай.

– Как сегодня мадам Аркёй? – спросила Мария, шумно прихлебывая.

– Все вздыхает у окна, руки трясутся еще сильнее. Ноги слабые стали, – произнесла это, она не почувствовала ничего, кроме равнодушия. Профессиональная пустота, усталость внутри давно вытеснили идеалистические образы и свели на нет порывы сострадания.

– Ой, что делать, что делать... Я ее проведу к вечеру ближе. Она любит со мной болтать. Столько всего порасскажет интересного о прошлых временах, что я аж молодость сама вспоминаю, – Мария тепло улыбнулась и взглянула на Элинор как будто в ожидании аналогичной улыбки и понимания, но женщина опустила глаза и стала разворачивать обертку бутерброда. Ни к чему тратить последние силы на искусственный эмоциональный отклик. Мало того, что она давно уже не чувствовала удовлетворения от своей работы, так еще и разница поколений делала свое дело: Марии возиться с постояльцами куда интереснее и понять их легче, ведь она ненамного моложе...

В комнату, скривившись в отвращении, вошла Лидия.

– Обоссался, третий раз за день! Зачем я меняла ему трусы два часа назад?

Мария обернулась:

– Чего ты? Кто дел наделал на этот раз?

– Новый дед, Лукаш. Характер тот еще. Встать не в состоянии, зато высокомерный, будто что-то из себя представляет! – она подошла к раковине и повернула кран, все еще морщась и хмурясь.

– Руки моем в коридорном санблоке после пациентов! – поспешно напомнила коллеге Элиноর.

– Да помыла я их, помыла. Это еще раз, на всякий случай, – Лидия с остервенением терла мылом ладонь и каждый палец около минуты – быть может, кому-то другому это показалось бы странным. А Элинор понимала. Ей самой хотелось иной раз также тщательно вымыть руки, но коллеги часто оказывались рядом, а при них было неловко показывать брезгливость. Мария, проработавшая в приюте женского благотворительного ордена «Филомена» двадцать лет с невероятной отдачей и неисчерпаемым состраданием, точно бы неодобрительно покачала головой. Настоящая Сестра не могла постоянно брезговать, раздражаться, быть глухой к просьбам и слепой к нуждам своих подопечных. Иначе выводы вышестоящих о некомпетентности такого работника напросились бы сами собой. Кроме того, у Элинор имелась веская причина, чтобы Мария была к ней настроена по-прежнему дружелюбно, по-матерински. И, наконец, если руки вымыть не трудно, то память очистить от всех жалких образов, вокруг которых протекали ее будни, не представлялось возможным.

– Ты что же, не знала, куда ты идешь работать? – спросила со спокойным, но твердым укором Мария, вернувшись к поеданию супа.

– Знала, знала. Но всему же есть предел, – Лидия все еще хмурилась, вытирая руки о белоснежное вафельное полотенце. – Ему операция какая-то нужна, или еще чего, а то он так и будет....

– Его не вылечить, к сожалению. Врачи повесили его на нас, чтобы остаток жизни облегчать муки, – вздохнув, напомнила Элинон.

Мария, стоически улыбнулась, затем снова обратилась к Лидии:

– Легкой работы в Ордене никогда не было и не будет, моя хорошая. Если чувствуешь, что не выдерживаешь, то лучше уходи. Не порти жизнь ни этим бедным людям, ни себе.

«Если чувствуешь, что не выдерживаешь, то лучше уходи».

Элинон будто током ударило. Да, конечно, эти слова были адресованы Лидии, но они почти полностью соответствовали тому, что твердила она сама себе последние месяцы.

– Настоящие филомены работают от души. Если нет души в том, что ты делаешь, то ты не филомена, – изрекла, наконец, Мария, завинчивая крышку пустого термоса.

Настоящие, вот именно! Уж она знала, о чем говорила. Правда, таких работниц, как эта немолодая женщина, было немного даже среди рядовых сестер. А уж что говорили про

верхушку... Лучше бы Элино́р вообще никогда не слышала всех этих слухов, не читала расследований журналистов и оставалась той юной дурочкой с большими глазами, готовой кинуться на помощь каждому, кого сюда привозили, верившей во все, что было в уставе ордена. Интересно, сколько раз те, кто его составлял, нюхали дерьмо и мочу у постели немощной старухи? Пробовали ли они перевернуть шестидесятикилограммового старика, чтобы спасти его сморщенное, синюшное тельце от пролежней? А случалось ли им заходить в дормиторий, обнаруживать, что...

– Рафаил – все, – Раиса, вторая по старшинству и по возрасту сестра после Марии, заглянула так тихо, что Элино́р вздрогнула при звуках ее острого как бритва голоса. – Врач зафиксировал только что. – Сказав это, она исчезла внезапно и бесшумно – уже в который раз. Словно призрак, Раиса возникала из ниоткуда, чтобы сообщить дурные вести. И надо же ей было первой оказываться возле тех, кто только испустил дух! Ведь там все, в какой дормиторий ни зайди, стояли одной ногой в могиле и в любой момент могли...

Мария шумно, неловко отодвинула стул и поспешила следом, надевая на ходу очки; вовлеченность в работу вновь покрыла ее лицо вуалью морщин.

– Лучше бы ссыкун..., – послышалось Элино́р, и она не удержалась от того, чтобы украдкой взглянуть на Лидию. Но, вполне возможно, в суматохе и шуме последнее слово породило ее воображение.

– Она себя не уважает, – буркнула Лидия спустя минуту, наливая воды.

– Кто? – Элинор рассеянно ковыряла вилкой остатки обеда и не сразу поняла, о ком речь. Ум осаждали смрадные тяготы дежурства. Через десять минут предстояло окунуться в них целиком.

– Мария, кто же еще. Как можно полжизни убить на вот это убожество? Она же прекрасно знает, что для крупного начальства приюты Ордена давно стали антерпризой². Благотворители заваливают руководство деньгами, а сестрам предлагается вкалывать за благодарность от общества и монетки на хлеб. Но нет! Она знает и продолжает убиваться за свои гроши, да еще и нас гоняет, стыдит!

– Все всё знают. Но надо же кому-то честно работать. Вот если тяжело заболит твоя мать, а у тебя не будет средств ее лечить и содержать в должных условиях, то ты же ее только сюда и сможешь привезти, разве нет? Никому она больше не нужна будет, только Марии.

Лидия поморщилась, но не нашлась, что возразить. Элинор же снова попыталась заткнуть чувство стыда, подававшее внутри нее голос. Мария – молодец, а она не такая. Мария решила положить себя всю на алтарь безвозмездного служения самым жалким, беспомощным среди живущих. А ей десяти лет хватило с лихвой, чтобы понять, что она имела

² Антерприза – коммерческая организация, компания с правом ведения деятельности на территории Империи (преимущественно в метрополии).

право на счастье и покой. И глупее всего было продолжать искать его в местах, подобных этому. Кто-то может жить вот так, а кто-то – нет. Поэтому что ей остается? Возложить на Марию то, от чего ей просто жизненно необходимо было избавиться... Марии не привыкать, а Элинор хотела пожить, вкусить плоды драгоценных лет, когда еще ходят ноги, и в порядке голова. Пока красота не слетела пеплом прошлого с лица и тела, оставив взамен себя уродливые борозды, пятна и дряблую кожу. Хотелось любить – по-настоящему, а не из жалости. И одного, а не всех, кого велели.

* * *

Рамон сжал в карманах кулаки и отвернулся к стеллажу, делая вид, что читает ярлыки: он боялся, что потеряет самообладание, что злость и обида исказят лицо. Кристоф, стряхивая пепел и снова затягиваясь, продолжал вздыхать, охать и прикрывать глаза, опасаясь, что иначе подчиненный не почувствует, каким тяжким бременем лежит он на плечах руководства.

– В этом и заключается твоя главная проблема. Потому-то ты все еще простой мастер-наладчик.

– Почему? – тускло спросил Рамон, будто оцепенев и не находя сил повернуться. Он снова почувствовал слабость с налетом апатии.

– Потому что для роста надо самому принимать решения.

Все ждешь и ждешь, пока тебе дадут указания: что взять, куда отвезти, во сколько, что сказать клиенту. Сам, сам уже мог бы проявить инициативу! Ты же хорошо знаешь аппаратуру. Там столько возможностей. Одну услугу предложил людям, вторую... Вон, глянь на Шантье. Три с половиной тысячи альберов вытянул за одни только дополнительные услуги на выездах. За неделю!

Вспышка едкой злобы все-таки заставила Рамона повернуться, и он почувствовал, как дрогнул голос:

– Я же прекрасно работаю! Клиенты присылают хорошие отзывы. А спустя время опять покупают у нас... Я помогаю поддерживать имидж.

– Имидж – это превосходно, да, – Кристоф снова вздохнул. – Но твоя эффективность измеряется количеством денег, которые ты приносишь. Вы с Шантье оба выезжаете за день в шесть-семь мест для доставки и установки одного и того же. Только он привозит вечером в бюро полторы тысячи альберов, а ты – семьсот, и это в лучшем случае.

– Я же доставщик и наладчик, а не продавец! – пробормотал Рамон, не зная, куда деть влажные от волнения руки.

Кристоф многозначительно направил указательный палец ему в грудь с улыбкой типа «об этом-то я и толкую».

– Вот видишь, ты сам признаешь, что просто мастер и ни к чему другому не стремишься. Так на что жаловаться? Ты не продавец. Вот Шантье – продавец, и ему дорога в бюро продаж на соответствующие должности.

– Именно! – Рамон ухватился за эту мысль, почувствовав прилив вдохновения и силы, чтобы возразить. – Вот именно, что в продажах занимаются продажами, а в техбюро – технической стороной. Продавать – это ваша работа, а не наша! Твоя работа! Я не могу и не буду ее за тебя делать.

– Я свою работу знаю! – Голос Кристофа сразу огрубел, потеряв самодовольно-жирный окрас; глаза же он выпучил так, как будто никто никогда его не задевал так сильно за живое. Но дальнейшие попытки Рамона защититься старший специалист отдела продаж успел пресечь, сменив вальяжные речи на быстрое, раздраженное тарыхтение:

– Уперся, как баран, развиваться не хочешь, так чего жаловаться взял моду? Решения надо учиться принимать. А иначе можно и до старости одно и то же делать. Поэтому давай не будем тут мне про мою работу и твою. Я знаю, кто что должен делать. Все должны делать всё для развития нашей антерпризы. Вон, у Шантье спроси, как работать надо, он тебе расскажет. Вот уж кто продает, так продает! – Кристоф взял паузу – видимо, чтобы набрать в легкие воздуха и заодно с силой задвинуть нижний ящик стола.

– Да и пусть продает. А я давно заслужил старшего мастера, мне кажется.

– Кажется ему! Какие ко мне-то вопросы? К Игорю с этим иди, за ним последнее слово.

– Но Игорь сказал, что ему твое мнение важно, – раздосадовано буркнул Рамон. – Ты мог бы...

Кристоф отмахнулся, начав разбирать кипу свежих бумаг:
– Я ему все сказал, что думаю, вот пусть и чешется теперь.

Все, отправляйся! Или ты что, ногами к полу приклеился?

Рамон вышел из бюро продаж, ощущая слабость. Даже хлопнуть дверью как следует не решился. Дело шло к вечеру, опять начинала болеть голова – ладно бы занимали ее лишь рабочие вопросы! Но ведь за ними стояла гораздо более глубокая проблема, преследовавшая его много лет.

Можно было сколько угодно менять место работы, уходить от одних людей и знакомиться с другими, но итог всегда один: прозябание в посредственности, бессилии и одиночестве. Одиночестве! И это в Гранд-Леонарде: метрополии, что была пустыней с сорока миллионами людей, которые являлись ее безликими песчинками. Ничтожные поодиночке, все вместе они сбивались в бесформенные барханы, окружая, нависая, не давая Рамону заглянуть за удручающе пустой горизонт, продвигаться. И он постепенно увязал в перипетиях социальной жизни, вяло барахтаясь, мучаясь от жажды...

– Все мы живем, как хотим, – спокойно изрек Михаил, облокотившись о барную стойку. С этим пожилым завсегда-таем дистракционной³ Рамон познакомился здесь же, и, хотя это было уже довольно давно, до сих пор о нем толком ниче-

³ Дистракционная – гибридное развлекательное заведение эконом-класса. Обычно занимает два-три уровня здания: бар или кантина (столовая) – на первом, синематека или игровой клуб – на втором, мини-гостиница или бордель – на третьем.

го не знал. Не очень-то хотелось. Его ценность заключалась в другом: он был посторонним, незаинтересованным лицом, отчего Рамон общался с ним куда охотнее, чем с коллегами или женой и ее назойливыми родственниками. С Михаилом он чувствовал себя в безопасности, мог выговориться, мог быть собой, пусть даже и таким бессильным, вымотанным одиссеей по сыпучим волнам.

– Я – нет.

– Ну, знаешь ли, кто не хочет жить так, как живет, тот берет и что-то делает, чтобы произошли изменения в лучшую сторону. А если продолжаешь жить так же, значит, тебя устраивает.

– Я знаю, – Рамон вяло улыбнулся и взял протянутый барменом бокал. – Но не то что бы я ничего не делал. Я хорошо работал, а награды за это все не было и не было... Меня никто не оценил. И я... смирился. Я – слабый человек и этого не отрицаю.

Михаил посмотрел сочувственно, поглаживая седую бороду, но ничего на это признание не сказал.

– Мне понравилась мысль, которую я прочел в одной книге. Она такая простая и очевидная, но почему-то не приходила мне в голову... Кажется, за авторством Карлоса Гудмана.

– Что же за мысль? – поинтересовался Михаил, и Рамон почувствовал новый прилив благодарности внимательному и чуткому собеседнику. Неужели ему, и правда, все это интересно?

– Что-то вроде: «если делать постоянно одно и то же, то и результат будет один и тот же». Я-то думал прежде, что если долго заниматься одним делом, стараться, любить его, то будешь постепенно копить опыт, расти и развиваться. Но в моем случае это не сработало.

– И почему так вышло, как ты думаешь?

Прежде чем ответить, Рамон взял паузу, прислушиваясь к собственным ощущениям, мыслям, порожденным воспоминаниями и их периодически повторявшимся анализом.

– Я люблю работу. Но людей, с которыми на ней приходится иметь дело, я терпеть не могу. Я устал от людей. Они мне мешали и продолжают мешать жить так, как я хочу.

Чуть наклонив голову в сторону собеседника, Михаил вдохнул, как будто собирался возразить, но передумал. От Рамона этот порыв не ускользнул. Он догадывался, что мог услышать. Жена непременно прошипела бы: «Ты сам – ничтожество, но считаешь, что все кругом виноваты в твоих бедах. А ты просто не пытаешься понять людей и найти с ними общий язык!».

Какая дура. У нее случался приступ раздутого самомнения, стоило ей прочитать какую-нибудь новомодную книжку по психологии, адаптированную для туповатых дамочек. Она сводила всё к банальным, поверхностным тезисам, при этом даже их не понимая по-настоящему. В действительности же все было так сложно, так неоднозначно, что Рамон постоянно в великих муках пытался сопоставить ответы и во-

просы, которые сформулировал за все годы взрослой жизни. И почему жизнь настолько сложна, что ее не хватает даже на понимание самого себя? Про других-то говорить вообще не приходится.

– Но ничего. Даже для таких олухов, как я, годы не проходят бесследно. Я сделал выводы. Грядут перемены, – Рамон с искрой воодушевления принялся за любимую яичницу с томатами, которую поставила перед ним официантка. Он, правда, так думал. Совсем скоро. И это было особенно приятно, учитывая, сколько времени велась подготовка.

– Я рад, если так. Ты неплохой парень, мне кажется. Давай за то, чтобы все получилось, – Михаил поднял бокал.

Вечер был не самый приятный в плане погоды. Да и дома, куда ему все же придется вернуться на ночь, душевного отдыха не видать. Но это потом. Прежде Рамона ждали спасительные ритуалы: обустройство нового места и встреча с той, которая его понимала, ценила и нуждалась в нем, как в опоре.

В той части сектора⁴, где пролегал путь Рамона к «месту», машин было совсем мало. И ехать неспеша по вечерним улицам было особенно приятно. Мотор старой «Клементины» лениво бурчал, выдавая желаемые в данный момент сорок километров в час, и его звук ласкал ухо, заодно перекрывая голоса, шорох одежды и шарканье обуви всех тех, кто

⁴ Сектор или гиперрайон – крупнейшая административно-территориальная единица Гранд-Леонарда, «город в городе».

расплывчатыми пятнами на ленте тротуара проносился мимо. Как хорошо находиться не среди них, а ехать и на каждом светофоре успевать кинуть взгляд на знакомые пейзажи слева и справа. Рамон заглядывал в окна тех домов, какие ему особенно были симпатичны по внешнему или географическому признаку. Его интересовало, каково это – жить в тридцать четвертом квартале, в уютном голубом доме, на седьмом уровне, чтобы балкон выходил на канал и прилегающие к нему скверы. Было бы лучше просыпаться и ложиться спать здесь, отсюда ехать на работу? Нет. Место поменяешь, но сам останешься тем же. Но и это не самое страшное. Ведь люди, чертовы люди, никуда не денутся. Что с того, что у них будут другие имена, черты лица, голоса и собаки?

Нет, он все правильно делал. Существовало лишь одно место, достойное затрачиваемых на переезд усилий и способное оправдать возложенные на него надежды. Там его никто не достанет.

Выехав из сектора, Рамон ускорился: Леонард был велик, а ему предстояло все сделать и вернуться, успеть на встречу с ней в укромном уголке города. Да, и еще купить жене распроклятую запеченную рыбу в лавке Жако. Это должно было заткнуть ее на остаток вечера.

По своему обыкновению он заехал в переулок на границе последнего квартала Гранд-Леонарда и буферной зоны между метрополией и провинциями. «Клементину» оставил на пустынной парковке между двумя складами, хотя до «ме-

ста» оставалось еще около километра. Но иначе никак. Периферик был огорожен и закрыт для въезда. Там и пешеходов не особо жаловали, пуская, разве что, редкие экскурсионные группы за взятку от гида. Так что пробраться на территорию не представлялось возможным. Но это если внаглую идти непосредственно к воротам и посту охраны при них. А Рамон давно разведаль другой путь. Вряд ли кто-то вообще знал о его существовании или счел бы эту информацию сколько-нибудь ценной – тем лучше. Никто не мешал Рамону работать там над декором своего будущего.

Протиснувшись боком меж двух кирпичных стен, он сделал восемнадцать приставных шагов и оказался на заднем дворе заброшенных складов, где привычный холодный прием оказала безобразная ржавая груда металла. За ней края бетонной площадки крошились под напором травы, и гостя по-прежнему встречала стена в два человеческих роста – граница города. Облупившаяся табличка сообщала: «Экспериментальный сектор Периферик. Проникновение на территорию карается арестом или штрафом». Такие таблички, как обнаружил Рамон, висели по всему периметру через каждые полкилометра. Что ж, может, прежде любопытных и было больше, а теперь вряд ли кому-то было дело до давно брошенного детища выдающихся умов.

Чуть далее – в низине, переходящей в глубокую канаву, – под стеной буйствовали заросли ядовито-зеленой листвы. Лишь продравшись сквозь них и внимательно посмотрев

под ноги, можно было обнаружить решетку канализации. Рамон привычным усилием вытащил ее из пазов, использовал давно установленную примитивную лебедку, чтобы аккуратно спустить груз, затем спрыгнул сам, предварительно обув высокие рыбацкие сапоги.

Со стороны города в лицо ударил тухлый ветер с каплями воды. В этой части коллектора она могла доходить до колена в дождливые периоды. Но сейчас поднялась лишь до середины голенища. Хорошо, значит, поток не должен был гнать так уж сильно вперед, риск потерять равновесие и упасть – минимальный. Сейчас мало кто помнил, что на месте окраинных складских зон текла небольшая, полувывсохшая река: судя по длине сталактитов, замуровали ее в коллектор несколько десятилетий назад, когда район только начинал застраиваться. Определенно, в таком статусе толку от нее больше.

Вот справа проплыла лестница, исчезающая в темноте сводчатого потолка. У самой поверхности – под люком, который давно никто не открывал, – свесив мохнатые тельца, спали летучие мыши. Впрочем, Рамона они не беспокоили: прямо над ними был центральный въезд в Периферик, так что, вылезти он здесь, наверняка сразу получил бы по голове. Пожалуй, кроме беглых преступников «место» вряд бы кто-то нашел стоящим. Ну, еще тех, кто не видит альтернативу и готов ухватиться за любую предложенную возможность. К последним Рамон относил и себя: когда ты в отчаянии, да-

же канализация приобретает очарование. Однако и дураку понятно, что она куда-то да ведет. К счастью, за все разы, что он проделывал этот маршрут, мужчина не встретил никого ни внизу, ни наверху – в «месте». И каждый раз уединенность забытых всеми пространств согревала его лучше, чем кружка какао у камина.

Туннель начал неспешно изгибаться вправо, и темнота, будто испуганный светом фонарика зверек, пятилась, стремилась скрыться за поворотом. Одновременно в правой стене обозначился выступ на уровне груди, который с каждым шагом утолщался, пока, наконец, не превратился в платформу с ограждением, достаточно широкую, чтобы на ней могли разойтись два человека. Вскоре показалась и лестница, спускавшаяся с платформы в воду. На этот раз Рамон взобрался по ней с немалым усилием: после всего пути ноша оказалась тяжелее, чем думалось в начале, перед спуском. Порядка тридцати метров вперед по платформе – и в глубокой нише показалась знакомая металлическая дверь. За ней таились бесконечные хитросплетения коридоров, лестниц и помещений, которые все вместе составляли технический уровень сектора. Целый подземный город из двух ярусов: верхний, пешеходный, с подвалами и кладовыми под каждым зданием, а также сетью коммуникаций и нижний, куда поместили очистные сооружения и туннели, имевшие транспортно-логистическое назначение. Автомобильную и железнодорожную артерии провели сюда из Леонарда с тем, чтобы пе-

ревозить как грузы, так и людей. Все вместе они составляли исполинскую магистраль. Рамон сперва обрадовался, понадеявшись использовать ее – это могло бы сэкономить и время, и силы – но все выходы на поверхность в черте города оказались либо залиты бетоном, либо надежно заперты.

От главной подземной магистрали, тянувшейся на несколько километров, словно ветви от ствола громадного дерева, расходились в стороны многочисленные туннели на одну-две полосы или с одним-двумя железнодорожными путями. Каждый из них вел к подземному уровню конкретного строения или группы таковы, где располагались лифты и разного рода хозяйственные помещения. Когда Рамон только попал сюда, он долго блуждал по этим жутковатым, лишенным света и тепла лабиринтам, поражаясь масштабам и силясь понять задумку тех, кто все это проектировал. Был ли резон прорывать столько ходов, напичкивать их сотнями тысяч тонн бетона и металла только лишь затем, чтобы убрать под землю дороги и трубы с проводами? Более десяти часов было потрачено им в первые два визита в надежде найти выход на поверхность. Дверей обнаруживалось множество, куда бы он ни сунулся, но вот беда: одни строители запечатали намертво, другие вели туда, откуда его могла заметить охрана, не просто так занимавшая свой пост до сих пор (уж точно не ради тех зданий наверху, которые в массе своей были построены на восемьдесят-девяносто процентов!). Должно быть что-то еще...

Впрочем, Рамона больше интересовали именно здания. Те из них, что все-таки успели закончить перед заморозкой полусекретного проекта «Периферик». Таковых, как он выяснил позже, было всего два: первое – сорокауровневая башня в самом центре главной улицы. Взломать дверь в нее не представлялось возможным. Второе здание – учебный корпус императорского пансиона в дальней части сектора. И вот тут-то Рамону повезло! Пожарный выход его технического уровня оставили незапертым – забыли или же кто-то когда-то умудрился взломать. Помимо идеального местоположения трехуровневый корпус мог похвастаться наличием до сих пор исправно поступавшей воды, пусть и только холодной. Света не было: электростанция Периферик так и не была достроена, а кабели, протянутые из Леонарда, предназначались лишь для освещения подземного уровня. Проблему могли решить солнечные панели, но их придумали уже после того, как экспериментальный сектор был брошен на пожирание временем. С этим недостатком мужчина смирился, пусть даже он немного усложнял пребывание здесь. Ненависть к старой жизни была сильнее. Да и чем плохи вечера при мягком свете свечи?

Помещения с внутренней черновой отделкой оказались слишком большими и неудобными для обустройства жилья, но, поднявшись на третий уровень, Рамон обнаружил над ним четвертый, технический. Точнее, это была цилиндрическая надстройка площадью около семидесяти метров, где

прозябали без дела выход на крышу и короб вентиляционной системы, да ржавел в абсолютной тишине подъемный механизм лифта. В самом центре потолок подпирала массивная бетонная колонна. Стены одели в шубу из толстых, рыхлых на вид плит утеплителя. Под самым потолком уровень опоясывала непрерывная лента узких окон – ту ее часть, что выходила на центр сектора и, соответственно, главный въезд, он заложил кирпичом, чтобы иметь возможность зажигать свет, не опасаясь быть замеченным. О, да, это усовершенствование обошлось в семь ходок, ведь материала на себе за раз много не дотащишь!

Но все могло сложиться куда хуже: не пришлось возить все добро из Леонарда и носить по крупицами через коллектор, потому как Рамон обнаружил складское помещение на техническом уровне пансиона, где помимо кое-каких стройматериалов давно ушедшие рабочие оставили компактный генератор – расточительство или глупость, которая была ему очень на руку. Вопрос с электричеством, таким образом, решился быстро и легко. Затем у Рамона возникло жгучее желание натаскать еще кирпичей и цемента, чтобы разделить помещение хотя бы на две комнаты. Но посчитав, сколько раз ему пришлось бы курсировать между Леонардом и пансионом, чтобы накопить достаточно стройматериалов, он был вынужден признать свою идею в крайней степени неразумной. А вот система перегородок помогла поделить чердак на множество небольших зон. Вполне себе комнаты в апар-

таментах. И не беда, что стены всего лишь из фанеры.

Обидно, что не удалось реализовать все задумки, ведь только оказавшись среди пыльного покоя чердака, он стал очень живо представлять свои будни здесь. Причем, не в одиночестве, а с ней. Это могла быть абсолютно спокойная, счастливая жизнь вдали от всех и всего. И разве не стоила она того, чтобы все это делать, чтобы забраться в столь необычное для постоянного проживания место? Конечно, стоила! И пусть бы многие сказали, что он выжил из ума, и что все, что он видел, было лишь проблеском ложной надежды – он решил, чего хочет. А сомнения только гробили нервы и драгоценные годы. Никого не слушать. Все равно никто из окружающих не в состоянии войти в положение. Они не хотели ему счастья, а значит, все их доводы вырастали из сухого, как песок, равнодушия и не были достойны его внимания. Да и не они ли все вечно упрекали, что Рамон не умел самостоятельно принимать решения? Вот пусть теперь подавятся своими словами!

Со вздохом облегчения сбросив с плеч мешок и сумку, Рамон подошел к окну и встал на носочки, чтобы лучше видеть. Это был его любимый вид: слева – бескрайние поля и железнодорожные пути, лучами расходящиеся от Леонарда в сторону провинций. Справа – пестрый массив западной половины самого Леонарда. Вон грязный, бордовый Верхний Леонард со своими заводами, а чуть далее – Нижний, его сверкающие в лучах вечернего солнца башни. За Нижним – юный

Хавьер. Даже краешек роскошного Филдз виден. Город издали прекрасен. Куда более прекрасен, чем когда глядишь на него изнутри. Пусть там и остается, со своим нестихающим гулом и непрерывным движением.

Однако и ему, и ей предстояло еще все спланировать, сбежать так, чтобы прошлое не настигло. У Рамона была только жена, а вот у нее, помимо супруга, – сын и отец-инвалид. На все ли сто процентов она готова оставить их, без надежды однажды вернуться? Двигая самодельную кровать, ставя ее то изголовьем к стене, то боком, он все гадал, насколько ей здесь понравится и как бы она устроила скудный быт среди труб и голого бетона. Может, хотя бы колонну покрасить? А кухонный уголок? Явно не хватает рабочих поверхностей. И предстоит принести посуду... Полноценную плиту ему не доставить – что ж, будут пользоваться походной. И топлива для дизель-генератора надо закупить побольше – на сооруженных стеллажах места еще полно. Сколько всего, сколько всего!.. Ну и ладно. Это по-своему приятные хлопоты. Оставаясь стабильно занятым, Рамон защищался от тревожных мыслей и пессимистичных прогнозов. Хуже в новой реальности стать не могло, а вот шанс на изменения к лучшему был солидный.

* * *

Отчего так зябко в разгар лета? Элинор шла по невыно-

симо гудящей улице, спрятав руки в карманы легкой куртки. Может, дело не в рекордно низкой температуре, а во встречаемых взглядах прохожих? Никого из них она не знала и, скорее всего, никогда бы больше не встретила. Им не было дела до нее, а ей – до них. Но, даже осознавая это, женщина чувствовала омерзение от того, что одни ее видели, а другие дышали в спину; что ей, вырвавшейся на волю после семи часов плохо оплачиваемого мучения, приходилось продирается сквозь этот строй. Мало того, что нельзя добраться из пункта «А» в пункт «Б» круглыми путями, где не было ни души! Так еще и в пункте «Б» не ждало ничего хорошего. Все, что она имела – это маленькая остановка в убежище понимания и утешения. А до нее еще предстояло немножко потерпеть нервные оклики клаксонов, визг тормозов и стук каблуков.

Завернув за угол, женщина почувствовала себя лучше: в узком переулке темно и почти пустынно. Сюда выходили служебные входы лавок и кофеен, и задние – четырехуровневых резиденций. Двое жильцов выгружали из машины пакеты с продуктами, а чуть дальше, на другой стороне, кто-то выбрасывал мусор в контейнер. Даже ветер присмирел, будто поняв, что его лихие кульбиты тут не уместны. Элинора ускорила шаг. Переулок-портал в островок покоя закончился аллеей, по которой прохаживалась пара стариков; бездомный, развалившись на лавке, слизывал с обертки остатки соуса. Более никого.

Вдоль парапета с фонарями-шарами к лестнице, вниз по ступеням. Уличный шум и толпы рабочего люда, спешащего по домам, остались метрах в трехстах за спиной: впереди уже покачивались нависшие над дорожкой ветви ив. Пройти еще немного – и станет виден пруд, а за ним – запущенного вида оранжерея и укрытая зарослями лещины⁵ древняя каменная стена, чьи крошившиеся зубцы, споря со временем, все еще возвышались над обрывом холма.

Подходя к пруду, Элино́р почувствовала, как по телу разлилось сладкое тепло: на фоне мерцающего городского неба обозначился знакомый силуэт. Нетерпеливо преодолев эти тридцать шагов, разделявшие их, она уткнулась носом ему в грудь.

– Рамон...

– Элино́р...

Они стояли так примерно минуту. Потом женщина начала всхлипывать. Рамон, чуть отстранившись, нежно поднял ее подбородок: две слезы змеились по впалым щекам.

– Ну, что ты, не надо. Все будет...

– Не будет, – перебила Элино́р дрожащим голосом и крепче прижалась к нему. – Это никогда не закончится. Нас не оставят в покое!

– Не оставят, если мы не уберемся туда, где нас не смогут найти. Тебе же теперь... легче, – смущенно пробормотал Рамон, глядя ее по голове, поправляя волосы.

⁵ Лещина – род кустарников семейства березовых

Элино́р, не глядя на него, кивнула. Конечно, недавняя смерть матери печалила, но, с другой стороны, с ее уходом исчезали оковы. Мать одна в этой семье ее любила и нуждалась в ней, а теперь...

– Я не видела сына две недели. Он пропадает непонятно где, а когда я пытаюсь с ним поговорить... Я ему не нужна, Рамон, он меня ненавидит. Как давно я его потеряла? Неужели дети уже в раннем возрасте понимают, что мать их не хотела?

На это нужно было что-то ответить. Непростая тема для обсуждения, учитывая, что своих детей у Рамона никогда не было.

– А может, это твой муж его настраивал последние годы?

Она вздохнула, смахнув еще одну слезинку:

– Он им не занимается. Деньги сует, да, но не занимается, как нормальный отец должен заниматься своим ребенком. Конечно, куда ему! Бабы отнимают все время и силы, – Элино́р скривилась, и Рамон подумал, что его собственная жена наверняка кому-то жаловалась на него. Конечно, по другому поводу, но с таким же токсично-ненавидящим выражением лица.

– Представляешь, мы уже четыре года спим в разных постелях. И самое страшное – оба считаем это нормой. А я на самом деле рада, что всё так происходит. Противно даже сидеть с ним за одним столом. Мразь, сволочь, равнодушное животное!

– Ну, будет-будет. Понимаю тебя. Я с Магдой тоже сплю раздельно, – Рамон обнял ее еще крепче. – Она так и не простила мне....

– Плевать на эту дуру! Ей это, может, и было важно, а мне – нет, ты же знаешь. Я – не она. Я ненавижу детей, мой милый.

– И я. Сколько проблем они нам создали.

Да, Рамон, и правда, так считал. Сын Элинор сломал ей жизнь своим появлением на свет. А ребенок, которого хотела Магда и которого он не мог подарить ей, сломал жизнь ему. Люди, с которыми они однажды решили связать судьбы, оказались не теми, кем виделись через флёр далекой, будто из прошлой жизни, романтической эйфории.

– Мне проще. Я не буду колебаться, я брошу ее с большой радостью. А ты? Что ты намерена делать с отцом?

Элинор до сих пор сомневалась, стоило ли озвучивать решение Рамону. Но почему, собственно, нет? Уж кто, а он должен ее понять. Он имел право знать ее план.

– Я все устрою. Давно придумала и примирилась с таким вариантом. В следующем месяце меня отправляют как филомену-делегата на ежегодный съезд Ордена. Куда я, по понятным причинам, не собираюсь ехать.

– Тогда ты и предлагаешь нам устроить наш побег, – догадался Рамон.

– Именно. Съезд длится два дня. Когда муж спохватится, мы будем уже вне досягаемости. Ведь будем, да? – она по-

смотрела Рамону в глаза с горячей надеждой.

– Да, конечно. Нам и полдня хватит, родная моя. Я все продумал.

– Ты так и не скажешь мне, куда именно мы бежим? – взгляд Элинор заставил его колебаться, но боязнь, что, узнав правду, она придет в ужас и откажется бежать, заставила снова дать уклончивый ответ.

– Совсем недалеко. Это уникальное место. Там нас точно никто не найдет.

– Хорошо... Так вот. Мужу на меня наплевать. Он если и обратится в полицию, то только дней через пять после моего отъезда.

– Ну, а с отцом-то как?

Еще более тяжелый вздох выполз из ее опустившейся груди.

– Я договорилась со старшей сестрой в приюте. Они возьмут отца. Мне было непросто ее уговорить. Ей непонятно, почему в семье, где три вполне дееспособных человека, вдруг некому ухаживать за больным стариком. А Орден ведь обычно принимает к себе постояльцев, у которых вообще никого нет... Но Мария хорошо ко мне относится. Кроме того, я же сама филомена, отдала много лет своей жизни, ухаживая за чужими людьми, а теперь прошу сестер сделать то же для моего родственника. В общем, для меня будет исключение. В конце концов, сколько ему осталось? Год-два-три? Он быстро сдает в последнее время.

– Но филомен ты, конечно, не ставила в известность о...?

– Рамон, что за глупый вопрос, мой милый! Конечно, нет!

Они не ожидают, что я пропаду и не появлюсь на съезде. Но до того времени все будет сделано. Отца заберут через три дня. Я удостоверюсь, что он нормально устроен, поговорю еще раз с Марией... Пусть будет благодарен, что хотя бы туда его определяю, а не бросаю дома с мужем, который его ненавидит еще больше, чем меня, и пальцем ради него не пошевелит. Он мне родной по крови, но не по душе. Отец из него был паршивый.

– Да, я помню все твои рассказы.

– Он заслужил такой финал. И остальные – тоже. Хватит с меня. Я делала все, что от меня хотели, себе в ущерб так долго. Теперь никому ничего не должна. Мы с тобой свободны, милый Рамон. Свободны жить.

– Свободны, – подтвердил Рамон. – Оазис ждет.

* * *

Почти во всех окнах пятнадцатитуровневых резиденций, коих в блоке насчитывалось почти два десятка, горел свет. Впрочем, разный: белый, желтый, синеватый; яркий и тусклый. Он представал во всех обличиях перед глазами Элинор, по мере того как лента электротротуара медленно ползла вперед, приближая ее к входу номер двадцать семь девятой резиденции. Это было второе по длине здание блока, тянув-

шеся на триста с лишним метров, из-за чего получило прозвище «горизонтальный небоскреб». Улочки здесь задумали исключительно пешеходными и потому узкими; в щель между соседними резиденциями втиснулись две бегущие в противоположные стороны дорожки. К домам прилегали обычные, без признаков жизни тротуары, отделенные от электрических барьерами.

Днем гиганты из бетонных блоков прятали от пешеходов синеву неба, нависая сверху депрессивной тенью, а ночью – и без того редкие над городскими крышами звезды и серебро облаков на фоне луны. Элинор чувствовала себя здесь будто на дне узкого, но очень высокого каньона. С ускользящими из него воздухом и светом растворились на фоне бесконечных стен десять лет ее жизни. Именно столько требовалось отработать филомене, чтобы предоставленное Орденом во временное пользование жильё стало ее собственностью.

И вот уже два месяца как выполнены условия контракта. Ордену она более ничего не должна. Обществу – и подавно. Она помогла за это время стольким людям, скольким простой обыватель и за три жизни не смог бы. А вот семья... С ней несколько сложнее.

На входе, похоже, кого-то стошнило – Элинор в последний момент увидела лужу и отшатнулась, чтобы не наступить. Лифт-холл источал привычный запах хлорки: уборочные антерпризы считали, что кроме самых дешевых моющих средств эконом-резиденциям ничего не полагалось. Впро-

чем, уж лучше терпеть их, чем затхлый табачный дух.

Закрыв за собой решетку, женщина нажала на кнопку с цифрой одиннадцать. Какие-то отморозки выковыряли двенадцатый этаж. Что ж, она давно разобралась, что за контингент проживал в подобных блоках сектора. Таких, как она, – кто совестливо жертвовал своим временем и силами, отдавал все и просил минимум, кто никому не портил жизнь – было тут меньшинство. А вот безработных, никчемных и беспомощных проживало великое множество. Зачем они существовали? Они не приносили никакой пользы. И, тем не менее, имели все то же, что и Элинора.

Так чего ради она оставалась другой так долго? Эти люди злы, бедны, несчастны – она тоже. Они жили в самых убогих резиденциях – почему же никто не допускал мысли, что она могла быть достойна лучшей жизни? Рамон сказал все правильно: никто им такую и не даст, если сами не начнут действовать. В другом месте, разорвав все бесплодные связи с пустыней.

На пятом уровне лифт остановился. Зашел пришибленного вида мужчина с глазами, смотрящими в разные стороны. Он улыбнулся, сделав явной нехватку двух верхних зубов, и закивал Элинора.

– А, вы тоже едете. Здрасьте.

– Добрый вечер, – нехотя выдавила Элинора, смотря не на чудного попутчика, а себе под ноги.

– Я – наверх, – поделился он. – А вы на какой?

– Одиннадцатый. Нажмите свою кнопку, пожалуйста, и поедем, – женщина рискнула на секунду поднять глаза. Не такой уж и безобидный: при легкой умственной отсталости можно много чего сделать.

– Какую кнопку нажать?

Улыбка незнакомца была вполне осознанной и неприятной. Он на шаг приблизился, так что косые глаза оказались всего в полуметре. В уголке губ Элинор заметила струйку слюны.

– Никакой. Я выйду здесь, – она боком протиснулась к выходу, одной рукой открывая дверцу, а другую выставив ладонью вперед, чтобы избежать любого контакта.

– А вам не надо наверх? – улыбка слегка поблекла – мужчина соображал. Он шагнул было вперед, но Элинор успела захлопнуть решетку и отпрянула, боясь поворачиваться спиной.

– Нет, нет, я ошиблась. Всего доброго, – лицевые мускулы сопротивлялись, когда она попыталась изобразить улыбку. Говорить стало трудно, будто ядовитое насекомое впрыснуло ей в том лифте парализующий яд. И даже после того, как тревожный попутчик уехал, филомене стоило немалых усилий взять себя в руки. Слишком много брезгливого страха и неприязни сгенерировали в ней за десять лет это замкнутое пространство, где людей едва ли меньше, чем кирпичей в стенах. Дом должен быть для человека спасением, убежищем, которое обволакивает спокойствием и верой в хоро-

шее – Элинор в этом смысле можно было считать бездомной. Дверь, ключ от которой она мусолила в кулаке, скрывала пустоту, куда возвращаться ее обрекали обязательства и еще живое, хоть и на грани коллапса, чувство долга.

Замок опять заедал, отвечая на поворот ключа тугими щелчками. Следом – скрип двери. Определенно, назрела необходимость вызвать мастера из сервисной антерпризы.

Непроходимую тьму миниантрэ⁶ разрезала узкая полоса света с кухни. Пару ей составлял запах жареных колбасок. И – как будто этого было недостаточно, чтобы дать ей понять: Франциск уже дома – в разных концах комнатухи валялись, вольно раскинув шнурки, два его ботинка. Элинор переступила тот из них, что лежал прямо перед дверью, и разулась сама. Ничего, пусть разбрасывает. Когда-то она просила его ставить обувь аккуратно, на этажерку, как делала это сама. Затем смирилась и стала молча убирать за ним. А теперь ей наплевать... Пусть делает, что хочет. Недолго осталось ему издеваться над ней. Она перешагнет его, как вонючие пыльные ботинки, и пойдет спокойно далее, даже не подумав обернуться.

Дверь женщина закрыла аккуратно, но замок предательски щелкнул.

– Элинор..., – донесся из дальнего дормитория скрипучий

⁶ Антрэ – холл или прихожая апартаментов, частного дома. Миниантрэ характерны для жилья сжатой планировки: прежде всего, многоуровневых эконом-резиденций.

полустон отца. Услышал. При этом звуке она зажмурилась и спрятала лицо в ладонях, словно надеясь таким образом исчезнуть или хотя бы спрятаться. А ведь все равно придется идти для обтирания и прочего... И чтобы еще раз послушать, как он сожалеет, что был ей плохим отцом. Взрастил бы он в себе горькие плоды раскаяния, не находишь в беспомощном состоянии, выдавил бы мольбу о прощении? Теперь Элинон хотелось оставить этот вопрос без ответа. И, выбирая меньшее из двух неудовольствий – то есть, сперва вытерпеть несколько минут в обществе мужа – она зашла в кухню.

– Добрый вечер, – бросила Элинон, мельком взглянув на массивную фигуру за столом. Франциск соскребал остатки ужина с тарелки и в ответ что-то промычал, не поднимая головы. Молока не осталось, и купить – не купила... Что ж, вода тоже сойдет. Даже в этом пустом доме от жажды не умрешь... Если еще хочешь жить, конечно.

– Даманд не вернулся?

– Нет. Он пришел ночью на пару часов, а под утро снова убежал.

Элинон вздохнула:

– Я не видела его четыре дня. И где он пропадает постоянно?

– Да нигде. У него уже своя жизнь, друзья.

– Ему четырнадцать лет! Какая своя жизнь, Франциск? Это ненормально, что он совсем не бывает дома.

– Ну, поговори с ним, раз так думаешь.

– Ты же знаешь, что я пыталась неоднократно, но он... Я не имею на него никакого влияния. Вот к тебе он хоть иногда – да прислушивается.

– Хе, я-то не вижу проблемы, так зачем мне с ним говорить? Он почти взрослый парень. Пусть шишек набивает, учится жизни. Оставь его в покое, и меня тоже.

– Ясно. Твоя позиция все та же, и мне не пробиться сквозь безразличие. Ладно бы оно предназначалось лишь мне, но ты и сына предоставляешь самому себе и улицам! Я только молюсь, чтобы он не влип во что-то серьезное. Ох, что это я, в самом деле. Еще один бессмысленный разговор. Скорее, даже монолог...

– Вот именно, – согласился муж. В короткой паузе голос радиоведущего надрывно прорвался сквозь помехи, едва не заставив Элинор поморщиться.

– Будь добр, сделай потише. Я смертельно устала за эту смену, – в ее голосе не было ни злобы, ни раздражения – только полная достоинства вежливость. Годы тренировки сделали свое дело, хотя в последнее время ей было все труднее сохранять спокойствие в присутствии Франциска.

– Ну, убавь. У меня руки заняты.

Прежде чем налить себе воды, Элинор обернулась: этот невыносимый человек неспешно вытирал рот бумажной салфеткой, держа в другой руке нож. Острием кверху. С каменным лицом она прошла к окну, отдернула занавеску и повернула регулятор громкости у стоявшего на подоконнике при-

емника, сведя хриплые потуги до приглушенного шепота.

– Ты, конечно же, не купил мясо и овощи? – спросила Элино́р, бегло изучив содержимое холодильника.

– Забыл, – пожав плечами, буркнул Франциск и бросил скомканную салфетку в мусорное ведро возле мойки. Вернее, целился туда, но салфетка не долетела и упала на пол, без того уже изобилующий мелким мусором.

– Эх, чутка не хватило! – он с досадой причмокнул и со скрипом отодвинул табуретку, чтобы встать.

– Я поднимусь поужинать к Софии, в таком случае, – сообщила женщина. – А завтра тоже забуду пройтись по магазинам.

– Как хочешь, – бросил Франциск через плечо на выходе с кухни. – Я вообще могу есть на работе, раз на то пошло.

– Свинья! Пародия на мужа! – прошипела Элино́р себе под нос. Теперь, когда он не мог ее видеть, она почувствовала, как ее лицо исказилось в отчаянной злобе. Если бы она не была такой покладистой и верной идиотским, изжившим себя принципам в те времена, когда неведомая сила толкнула ее в объятия этого человека... Вспышка страсти, придуманные на пустом месте перспективы, яркие краски, которыми она рисовала картины совместного счастья – все это привело ее туда, где она была сейчас. Если бы не проникшее в нее по глупости семя, у нее было бы больше времени разобраться во Франциске, да и в себе тоже. Но, вопреки всему, что творилось в ее душе тогда, Элино́р родила... А ведь дети чувству-

ют, когда их не хотят, не ждут и видят в них только орудие расплаты за ошибки бездумной юности. Неудивительно, что Диаманд ее ненавидел. Даже к этому животному, что приходилось ему отцом, он тяготел куда больше, хотя что тот сделал для сына за четырнадцать лет?

К счастью, долг Филомене выплачен. Сын вырос достаточно, чтобы без нее обходиться, а парализованный отец доживет свои дни в приюте под добросовестным надзором старшей сестры Марии. И когда Элинор исчезнет, апартаменты не достанутся Франциску, ведь он не имел к их приобретению никакого отношения. Сам виноват, что отказался расторгнуть брак за половину жилплощади... Так что жилье в скором времени перейдет к Диаманду, и это будет своего рода компенсация за неумелое материнство. Элинор все уладит. Жизнь в нынешнем составе и при нынешних отношениях отравляла всю семью, ну а больше всех ее – женщину с призраками благих намерений при иссякших силах и частично очерстевшем сердце.

* * *

– Ох, так поздно ты еще никогда не приходил! Не делай так больше, а то мне не по себе, когда за окном темно, а я все еще одна, – прощепетав это, Магда направилась на кухню звенеть посудой. – Иди кушать, Рамонини, я кое-что приготовила.

Рамонини... По одному слову он сразу понимал, в каком из двух полярных настроений пребывала жена. Если звучало это обращение, значит – в излишне добродушном, сочащемся нежностями. Рамон ненавидел, когда Магда называла его так, и ненавидел настроение со знаком плюс еще больше, чем то, что со знаком минус. Не к лицу Магде была эта слащавая интонация и масляный взгляд, какими она встретила его сегодня.

Атрибуты условно хорошего настроения жены всегда заставляли его испытывать неловкость, чувство вины, а в особо тяжелые с эмоциональной точки зрения дни – почти физическую боль. Говоря с ним звенящим от непонятной радости голосом, ласково наблюдая, как он поглощает приготовленный ею ужин, Магда отягощала Рамона ожиданиями, которые он не мог оправдать. Он не разделял ее веселья, не хотел слушать ее болтовню, вникать в дурацкие бытовые проблемы. Но все же, сам от того страдая, вяло подыгрывал, не в силах оборвать все разом. И сейчас предстоял еще один вечер супружеской терпимости. Боже, почему он такой слабый? Не прозвучи сигнал «Рамонини» в первую минуту, Рамон настроил бы себя на волну глухой обороны, которую затем противопоставил токсичным нападкам жены. Это давалось ему легче. В такие дни мужчина чувствовал, что вправе ненавидеть ее, не прикидываясь, будто в их семье царила идиллия. И, что самое важное, не было нужды искать источник бед в себе.

Он же не хотел скандала, истерики вместо спокойного приветствия? Разумеется, нет. Магда первая включала режим злобной дуры и вмиг забывала, что не далее, чем накануне, гладила его по голове, приговаривая, что все хорошо и что она все равно его любит. В один миг нежные эпитеты в адрес мужа сменялись самыми изощренными в своей грубости антонимами. Что за слова, слышал бы кто! Будто под личиной хрупкой, воспитанной женщины долгое время скрывался запойный грузчик из Пуэрто-де-Метрополи, который прорывался наружу, скалясь желтыми кривыми зубами и дыша перегаром. Не знай Рамон Элинор, он бы заключил, что все женщины отвратительны по сути своей, и лучше Магды ему не найти. Но нет: отвратительными были лишь десять лет совместной жизни в двух попеременных режимах, а женщины оказались разными. Элинор, в отличие от Магды, были несвойственны хищные перепады настроения, и эта стабильность в ней привлекала Рамона пуще других качеств.

Рагу было одним из немногих блюд, какие Магде удавались. Но насладиться им в полной мере не дали вызывавшие кашель благовония, коими жена любила наполнять вечерний дом. Впрочем, «кхе-кхе» мужа она поняла по-своему.

– Ой, ты что, осторожно! Я тебе, дурачку, говорила есть неспеша, а то подавишься, – промурлыкала Магда, погладив его по плечу. Рамон вымученно улыбнулся и продолжил жевать под ласковым надзором супруги, уткнув взгляд в тарелку.

Какой он слабый! Слово боялся молвить поперек, не смея нарушить созданную ею атмосферу даже простым замечанием. Рамон позволял Магде упиваться заблуждением, будто ценил все, что она делала по дому, весь уют и красоту, какие творить способны только женщины. Цветы, статуэтки и картины составляли несущие конструкции мирка Магды, по своему милого, но ущербного. Возможно, все эти безделушки свидетельствовали о хорошем вкусе хозяйки и ее богатом воображении, но ни вездесущая растительность, ни благоухающие свечи не успокаивали и уж тем более не приносили радости. Ему. Кроме того, Рамон всегда поражался, каким образом Магда умудрялась выкраивать на них деньги из их скромного бюджета, ведь работал только он.

Что ж, пусть Магда и дальше пребывает в мире, где Рамон уже давно задыхается. Только в компании кого-то другого. Сама потом поймет, что так они оба выиграют. Она была еще достаточно молода, чтобы не терять надежды, – крест-то поставлен только на нем. Быть может, найдется некто, кто подарит Магде долгожданное чудо на три килограмма и при этом будет искренне любить обоих.

– Облепиховый пунш, – перед Рамоном возникла кружка, полная ароматной ярко-оранжевой жидкости.

– Спасибо. Люблю его. А сама уже поела?

– Немножко, – жена взяла со столешницы яблоко и со смачным хрустом нарушила его спелую плоть.

Рамон подул на свой напиток, разворошив седые локоны

пара, а затем скользнул по Магде взглядом. Круглое лицо с пухлыми щеками нелепо контрастировало со стройным телом. Еще эти темные глаза-бусинки и маленький рот... Набив его яблоком, Магда стала похожей на хомяка. Да, Эли-нор была красивее. И умнее, чего уж там...

– Я тут подумала, – сказала жена, наконец, дожевав. – От-чего бы нам не купить домик на юго-западном побережье?

Рамон опять закашлялся, но на этот раз не от благовоний.

– Домик? Магда...

Она с улыбкой прикрыла глаза и успокаивающе погладила его по ноге:

– Не волнуйся, я знаю, сколько это стоит. Но ведь я могу взять себе подработку. Помнишь, четыре года назад я ненадолго устроилась к цветочнице? Сколько всего мы купили благодаря этому!

Мужчина кивнул, хотя не помнил, чтобы от этой ее «ра-боты» был толк. Разве что, под «много всего» она имела в виду декоративное барахло или пару новых тарелок...

– А, кроме того, я же помню, что ты завел привычку откла-дывать понемногу, – в улыбке супруги появилась тень пре-восходства.

– Откладывать? Когда это? – в нарастающем смятении Ра-мон отхлебнул слишком много и обжег язык.

– Ну, что ты склеротика включаешь? – Магда нетерпели-во постучала пальцами по подлокотнику. – Я же находила несколько раз твои... назовем их сбережения. Сто альберов

тут, пятьсот там. Но почему-то ты мне ничего не говорил.

Помедлив, Рамон посмотрел ей в глаза:

– Я решил откладывать на случай каких-либо неприятных неожиданностей. Вот, например, «Клементину» разобью однажды – будут нам деньги на новый автомобиль. Или заболеет кто из нас – вот, пожалуйста, сумма на лечение в хороших клиниках. Но до того времени эти деньги трогать нельзя. Потому я тебе и не говорил. Чтобы не было искушения. Прости за это, – он понаблюдал за лицом Магды, пытаясь понять, насколько правдоподобной она сочла эту информацию. В конце концов, отчасти это была правда: вначале Рамон действительно откладывал на черный день. Но потом появилась Элинор, а вместе с ней в жизнь ворвалась жажда перемен; начались поиски их гнездышка, «оазиса», который, понятное дело, требовал вложений. Так что к данному моменту двадцать тысяч альберов были спрятаны в корпусе императорского пансиона, ожидая своего часа. И предназначались они вовсе не Магде. Черт, как теперь объяснить, почему никаких сбережений не осталось?

Жена будто бы смягчилась, дослушав его.

– Ну, хорошо. Копил ты на всякий случай. Чем покупка домика – не случай?

Рамон отчетливо видел, как заблестели ее глаза. Она достала из сумочки разномастные буклеты и обмахнулась ими, словно веером, а затем обмахнула и мужа.

– Бриз, сладкий бриз, ты чувствуешь его? В Желтой бухте

как раз такой. А еще ласковое солнце и такие растения, какие мы с тобой только в синематеках⁷ да журналах видели!

– Магда...

– Разве мы с тобой не заслужили? Зимой можно было бы уезжать туда на месяц. И пока все тут будут кутаться в пальто, мы на шезлонгах в одних купальных костюмах...

– Магда! – Рамон сам вздрогнул от того, как непривычно громко и резко прозвучал его голос. Его пришлось повесить, чтобы вернуть дурочку в реальность.

Она замолкла, но продолжила смотреть на него с улыбкой, полной надежды. Боже, как трудно противостоять собственной нерешительности, когда жена не кидалась с обвинениями, не срывалась на визг в разгаре истерики, а была такой милой, щемяще хорошей – прямо как в эту минуту! Только бы она пребывала в самом дурном расположении духа в тот день, когда он осуществит свой план! Тогда он не будет колебаться, ведь сразу вспомнит, как сильно ее ненавидит. И жалость с сомнениями умрут, уступив решающую роль давно зародившемуся эгоизму.

– Я согласен, что это очень хорошее место для отдыха...

– А в те месяцы, когда мы будем здесь, можно сдавать домик в аренду, – Магда вернулась к щебетанию.

⁷ Синематека – группа помещений на территории дистракционной, специально оборудованных для просмотра видеоматериалов. Главное отличие от кинотеатра – гораздо меньшие габариты и индивидуализация: от одного до пяти посетителей арендуют на любой промежуток времени комнатку с экраном, динамиками и креслами, а также обширной библиотекой кинолент.

– Э... Да, конечно, но... – Рамон осекся. Эта ее улыбка и блестящие глаза... А что если и тут подыграть? Да, он трус. Да, он боялся лишний раз разочаровать жену, расстроить. Но ведь можно просто... – Вообще-то, идея мне нравится. Только вот... о какой сумме речь? Потянем ли мы сейчас такие траты? Не хотелось бы пускать на дом у моря весь свой фонд.

– Рамонини, дорогой, давай жить сейчас! Может и не наступить день этого бедствия, на которое ты откладываешь. Мы заслужили получать удовольствие уже сейчас. Раз уж у нас не вышло с... ну, ты понял, – она впервые отвела глаза, со звонких трелей перейдя на грустный полусшепот. – Если бы мы могли, то жили бы сейчас ради него... или нее. А так нам остается для себя жить. Ну как, не откажешь ты мне в маленьком утешении? Каких-то двести тысяч – и у нас микровилла.

– Нет, конечно, нет. Я... дай мне эти буклеты, и я на следующей неделе зайду в бюро продаж, побеседую с агентом. Вдруг еще какие-то интересные варианты есть. А пойти и купить – это недолго.

– Милый мой Рамонини! – Магда придвинулась на стуле и обняла мужа, шепча ему на ухо благодарные нежности. «Никакой я тебе не Рамонини, и давно уже не твой. Хватит», – прорычал он про себя, вынужденно погладив супругу по голове.

– Сколько же ты припрятал? Нам хватит? – спросила она

с оттенком озабоченности.

– Да, вполне. А не хватит – подождем немного, подкопим.

– О, Рамон, я не могу ждать. Ты не понимаешь! У меня такая жажда проснулась, когда я увидела эти фото с побережья. Папа брал меня в свои поездки на юг. Я помню, как там хорошо, – Магда мечтательно вздохнула, все еще не размыкая объятий.

– Да, наверно, не понимаю, – она немного помолчала, затем подняла голову, чуть прищурив глаза: – Так все же... Сколько ты скопил? Так и не сказал мне.

– Пусть это будет сюрпризом.

– Я люблю сюрпризы. Но хотелось бы знать, – пристальный взгляд Магды заставлял Рамона нервничать. Скормить ей какую-нибудь «лапшу» – и дело с концом. Лишь бы отстала.

– Хорошо-хорошо. Сто пятьдесят тысяч.

Он понимал, что нелепо замахиваться на такую внушительную цифру, но жене в данный момент полагалось услышать то, что она желала, чтобы разговор закончился как можно быстрее.

– Ого! Я не помню, когда в последний раз держала в руках такие деньги! – выдохнула Магда. – И где же ты их прячешь, милый Рамонини? – она игриво щелкнула мужа по носу. – Скажи! Я обещаю, что не стану их тратить.

И чего она пристала к этим деньгам? Из глупости? Или верила ему меньше, чем он надеялся? Надо заканчивать, по-

ка не выпытала что-то еще.

– Они в надежном месте! Пусть там и остаются.

Жена отстранилась.

– Ты мне не доверяешь? Неужели так трудно сказать? – она более не улыбалась и все сильнее морщила выпуклый лоб.

– Давай завтра продолжим этот разговор, – пробормотал Рамон и поднялся из-за стола. – Я очень устал, прости. О, и спасибо за вкусный ужин.

– Ладно, иди отдыхай, – «Рамонини» не добавила – значит, слегка обиделась. Ну и пусть. Отложенный разговор не состоится, ведь завтра он уедет на работу и не вернется. Часом ранее, подъехав к дому, мужчина решил, что не будет ждать Элинор. Та приурочила свой побег к филоменскому съезду. А Рамон давно все, что требовалось сделать, сделал. Место готово. Так к чему отравлять еще несколько дней жизни?

Его сны оборвались где-то посреди сумбурного действия, в котором он был главным героем. Рамон приподнялся на локтях, силясь понять причину пробуждения: в приоткрытое окно было видно, как утро прогрызалось рассветом сквозь ночную завесу – а ведь в это время сон еще крепок. Рука нащупала рядом мятую пустоту постели. И чего жене не спится в такой час? Крайне необычно, учитывая, что она почти всегда провожала его на работу громогласным храпом.

Из гостевой комнаты доносились шорохи и стук. Рамон

нехотя встал, накинул халат и пошел смотреть, в чем дело. На входе он чуть не споткнулся о неровную стопку журналов и огляделся. На диване, кофейном столике, в креслах были разложены бумаги, фотографии; коробочки для мелких вещей, шкатулки и статуэтки сбились в разношерстные компании по всему полу. Удивительно, но когда это было в шкафах, нишах и углах, мужчине казалось, что вещей у них совсем немного. Но вот все разом вылезло на свет, и осталось только поразиться количеству накопленного хлама. А ведь все это были деньги. Его деньги.

Магда же, видимо, посчитала созданный хаос недостаточным, потому как принялась брать с полок компактной библиотеки книги, пролистывать одну за другой, затем класть на пол, образуя еще одну бумажную гору.

– Доброе утро, – бесцветно бросила она, не отрываясь от своего занятия.

– Доброе, – ответил Рамон, с трудом выходя из охватившего его оцепенения. Переступил через обтянутую тканью коробку и неуверенно приблизился к супруге. – Почему ты не в постели? И что все это значит? – он махнул рукой в сторону одной из стопок.

– Мне не спалось, – тихо ответила Магда, не отрывая взгляда от страниц очередного романа. – Все не дают покоя твои спрятанные деньги. Вот я и решила найти их сама, раз уж ты не хочешь быть со мной честным.

– Ты... ты серьезно? Не спала всю ночь из-за этой... ерун-

ды?

– Ерунды! – напускное спокойствие мигом слетело с женщины, и она швырнула книгу на пол. – Разве это ерунда – что у тебя от меня какие-то секреты? И знаешь, что? Раньше я находила твои деньги случайно, без труда. А теперь искала их несколько часов, просмотрела все дважды. И ничего! – наконец, она подняла на мужа глаза, и это был не нежный взгляд из прошлого вечера, но острый и холодный. Чужой. – Так в чем дело?

Впервые Рамон не дрогнул. Сейчас он мог сказать все, что пришло бы ему на ум, не думая о последствиях. Такая Магда, которая стояла сейчас перед ним, заслуживала пощечины. В переносном смысле, конечно. Что же, пусть ноет от злобы и досады, когда он закончит диалог неприятной новостью и захлопнет за собой дверь, чтобы никогда ее больше не открыть.

– А ни в чем, представь себе, – улыбка вышла не издевательской, а, скорее, нервной, но посыл жена расшифровала.

– Шутить вздумал? Речь о серьезных проблемах. О твоём недоверии и неуважении!

– А за что тебя уважать? Меня уже тошнит от тебя! – это неслыханное заявление Рамон смог сопроводить только нелепо-конвульсивными жестами. Он упивался ощущением безнаказанности, но одновременно и был в ужасе от того, что решился выйти за многолетние рамки смирения.

Пауза была недолгой. С искаженным от ярости лицом

Магда запустила в него увесистый том. Удар пришелся в плечо и оказался весьма болезненным.

– Идиотка психованная!

Кинутая в ответ фарфоровая статуэтка пролетела в паре сантиметров от головы женщины. Осколки разбитого стекла в дверце библиотеки посыпались на пол. Непораженная же мишень в страхе отскочила, закрываясь руками от звонкого сверкающего дождя.

– Что ты творишь? Ты совсем потерял разум? – она глядела на него настолько широко раскрытыми глазами, насколько было возможно физически. Конечно, такая вспышка гнева – это последнее, чего Магда могла ожидать от своего вялого, флегматичного супруга.

– Конечно, – огрызнулся Рамон, на всякий случай отступив на шаг к двери. Внутри у него все бурлило, как в жерле вулкана, проснувшегося после многовековой спячки. Как облака пепла, вырвалась на волю порция ненависти. И Рамон ощущал небывалый подъем из-за того, что, наконец, бросил ее в лицо этой женщине, а не подавил, как это обычно бывало. – Нельзя прожить с такой дурой годы и не сойти с ума! Тварь, идиотка, истеричка!

– Рамон, прекрати это! Ты не в себе, ты сам не понимаешь, что....

– Деньги захотела? Секреты тебя раздражают? Вот тебе секрет, дура ты невероятная: нет никаких денег! Я все проиграл на ставках. Всё! Так что иди и заработай на свой во-

нующий дом на пляже сама. А я – на работу.

Он пулей выскочил из гостевой, полагая, что Магда бросится следом. Но жена только что-что сдавленно крикнула и осталась среди своих перерытых вдоль и поперек красот. Рамон оделся, взял с пола рабочий кейс и вышел из дормитория, где ему стало невыносимо душно. Даже окидывать комнату прощальным взглядом не стал.

В антрэ ему показалось, что он слышит судорожные всхлипывания и звук глухих, но тяжелых ударов, словно жена в расстройстве молотила ногами и руками по мебели. Да хоть бы и головой! Не время ее жалеть. Магда могла давным-давно изменить свою жизнь, уйти от него. Сам он тоже не сразу на это решился. Но все же решился.

Дверь звонко захлопнулась, отрезав запахи бывшего дома. Последняя сумка с необходимыми вещами ждала в машине. С этой минуты «Клементина» следовала единственному желанному маршруту: «Пустыня Гранд-Леонард – Оазис».

* * *

Элинор долго думала, что напишет в прощальной записке. Но поселившаяся в ней пустота убивала все сколько-нибудь связные мысли. Поэтому к утру отъезда назрел другой вопрос: а нужно ли что-то вообще излагать на бумаге? Мужу было на нее плевать, сын ее ненавидел, так что, возможно, скомкал бы письмо и выбросил в мусорное ведро, не читая,

стоило ему лишь узнать заостренный, компактный почерк.

К моменту, когда Франциск, нескладно насвистывая, собрался на работу, отрицательный ответ созрел на девяносто процентов. Вместо того чтобы пожелать ей удачной командировки, он бросил из миниантрэ «я ушел» и хлопнул дверью. Даже на «пока» не разорился. Этот факт добавил не хватавшие десять процентов. Ответив молчанием на молчание, Элинор даст симметричный ответ.

Все шло по плану: супруг покинул дом только что, Дьяманд – еще до того, как мать встала. С утра у него начинались занятия в регульере, и скоро не должен был вернуться. Однако тишина, в которой проходили сборы, вызывала нервозность. Женщина искала в ней подвох, при каждом шорохе останавливаясь и прислушиваясь. Но отца уже перевезли в приют, и весь шум в апартаментах могла производить только она сама. Все-таки стоило выпытать у Рамона, куда они направятся и как он думал организовать совместную жизнь. Неизвестность манила сильнее, чем давно отрепетированное постоянство, но тревожный озноб ползал змейкой по спине и рукам, притупляя чувство окрыленности.

Оба чемодана – готовые и проверенные – Элинор открыла повторно, когда вынесла в миниантрэ. И не зря: два раза пришлось ходить в дормиторий за забытыми вещами. Час – слишком мало времени, чтобы все удержать в голове и сделать правильно с первой попытки. Наконец устранив все недочеты, она спустилась вниз, чтобы проверить, не подошел

ли Рамон: со своей ношей одной ей было не справиться.

Стоило толкнуть дверь на улицу, как в лицо бросилась волна жара. Что ж, вызвавшие массовый скепсис прогнозы оказались верными. После недели холода и двух дней щадящей прохлады на город вдруг навалилось пекло, какого не видели несколько лет. И если уж в неотступной тени квартала в девять утра было весьма тяжело, каково оказаться под лучами солнца в полдень? Прохаживаясь взад-вперед по тротуару, вглядываясь вдаль, Элинор искренне понадеялась, что план побега не включал долгие пешие прогулки по городу или поездку в раскаленной машине любимого через загородные просторы. Она всегда плохо переносила такие погодные аномалии...

– Элинор, я здесь.

Женщина вздрогнула и обернулась. Действительно, Рамон. Стоял в тени колонны у входа, одетый в простую белую майку и шорты выше колена, обутый в сандалии. Он изменился. Или зрение стало ее подводить.

– Я шел с другой стороны. Машину оставил в паре кварталов.

Элинор подошла, все еще немного растерянная, и поняла, что ей не показалось. Мужчина побрился налысо и начал отпускать бороду, которая росла не сплошным густым лесом, но жидкими клочками, разбросанными по бледным щекам, подбородку, шее. Ему не шло такое преобразование – напрашивалось нелестное сравнение с бесполезными обитателями

здешних резиденций. Разве что отвратного запаха изо рта не было. Но женщина поборола холодок неприязни. Это все еще был он, ее сообщник и вестник перемен.

– Милый, с чего такая смена имиджа? – спросила она севшим от долгого молчания голосом.

Рамон пожал плечами:

– Так, ничего особенного. Нам надо быстрее добраться до «Клементины». Это все твои вещи? – Он кивнул на стоявшие слева от входа чемоданы.

– Да.

– Отлично. Подожди-ка. Элинор, я же просил... Что это? – хмурясь, он критически оглядел ее платье.

Женщина не поняла причину недовольства:

– Что?

– Я же попросил тебя надеть бриджи или лучше даже шорты. И что-нибудь захватить, что можно накинуть.

– Ой, прости, – она с досадой хлопнула себя ладошкой по лбу. – Я полчаса металась по апартаментам, знала, что что-то забыла, но так и не вспомнила. А, впрочем, надо ли накидывать плащ или куртку в такую погоду? Тут скорее собственную кожу захочется содрать, лишь бы охладиться.

Наморщив лоб, Рамон немного поразмышлял, потом махнул рукой и взял по чемодану в руку:

– Это тебе так кажется... Но ладно, как-нибудь справимся. Я пошел к машине.

– А я?

– А ты постой пять минут и тоже выдвигайся в ту сторону. Я тем временем положу вещи в багажник и пойду обратно. Встретимся где-то на полпути.

– К чему такие схемы? Подкрался ко мне... И как я тебя не видела?

Мужчина отмахнулся:

– Обычными короткими перебежками от входа ко входу.

Элинор не сдержала нервный смешок:

– Я все понимаю, но не перебор ли – эти игры в шпионов? Мы же не преступники, чтоб вот так...

Рамон нетерпеливо шаркал ногой по тротуарной плитке, пока она говорила, а потом выглянул из-за своего укрытия и беспокойно посмотрел в обе стороны:

– Пожалуйста, Элинор, давай в машине поговорим. Нам надо поскорее убраться отсюда. Ты же не можешь полностью исключить риск, что твой муж или сын вдруг решат зайти домой?

– Нет, не могу. Хотя он ничтожен. Но не буду спорить, делай, как задумал. Сколько мне ждать, напомни?

– Пять минут.

– Хорошо, – Элинор отсчитала пять минут на наручных часах.

Рамон удовлетворенно кивнул и направился к соседнему входу с чемоданами в руках. Там он постоял с полминуты, затем перешел к следующему. Еще пара перебежек – и он превратился в одну из неопознанных крошечных фигур на

кроме перспективы, проследить за перемещением которых не представлялось возможным. Стоя в ожидании, женщина не могла избавиться от горького привкуса действительности, расходящейся с тем, как она рисовала себе утро освобождения. Это даже не предчувствие, потому что пока никаких неприятных сюрпризов не случилось, если не считать внешнего вида Рамона, что было не столь уж критично, если подумать. Но почему радость от перемен, которую она предвкушала несколько недель, даже не мелькнула на горизонте?

Настало время выдвигаться. Слева и справа располагались махины резиденций, но, несмотря на все однообразие проплывавших мимо окон и входов, Элинор не могла не заметить, что впервые шла в эту сторону. Вон на тротуаре поперечная трещина, у одного из входов плитка другого цвета. Даже оконные рамы отличались. Казалось, запахи – и те витали другие в этом конце лежачего небоскреба. Наконец, стена оборвалась пустотой.

Филомена перешла дорогу, выбравшись из тени рукотворного ущелья на залитую солнцем площадь с небольшим ромбовидным фонтаном и цветниками по периметру. Мгновенно ее окутал настоящий, полноценный жар. Уже в это время становилось невыносимо – потому и ни души. Разве что на парковке слева кто-то лавировал меж рядов сверкающего металла, пробираясь к своему транспорту. Элинор прошла мимо пары одноуровневых строений и малость обветшалого

регульера⁸. Нет, Диаманд учился не здесь – уж это она помнила. В тот день, когда впервые отвела его туда, совсем маленького, Элинор еще пыталась играть хорошую мать. Точно другое здание. У того не было ржавеющего купола обсерватории и кирпичной ограды по пояс...

– Элинор, не туда, – окликнул ее высокий голос любимого. Рамон вернулся за ней по небольшой улице справа от площади, на углу которой и стояло образовательное учреждение. Женщина ее уже миновала, почему-то уверенная, что стоило идти дальше, никуда не сворачивая. – Тут недалеко: метров двести, – заверил Рамон, приблизившись. Элинор машинально потянулась обнять его, но спустя миг опустила руки.

– Давай потом. Нам надо уезжать, – он сутулился и все так же кидал опасливые взгляды на редких прохожих.

– И что ты такой беспокойный? Как будто за нами уже идет погоня! Или я чего-то не знаю? Чего-то важного? – она послала ему многозначительный взгляд. – Рамон, я не твоя дурная жена, от меня можешь не держать секретов.

– Нет-нет, никаких секретов, – мужчина мотнул головой и слабо улыбнулся. – Просто я буду спокоен, только когда мы окажемся в убежище.

– Ладно. Веди.

Элинор последовала за ним, с растерянностью глядя в лысый затылок и для разнообразия бегло знакомясь со зда-

⁸ Регульер – общее название для бесплатных государственных школ Гранд-Леонарда.

ниями. Они шли по уютной улочке в тени деревьев мимо магазинов и двухуровневых резиденций-кондоминиумов, а на заднем плане, как айсберги с тысячами глаз, пристально взирали на их микроскопическую суету эконом-резиденции. Складывалось впечатление, что от них не уйти, не укрыться даже за два часа ходьбы. Но, право, было бы чистой паранойей думать, что через одно из тех окон кто-то мог их увидеть, узнать, и каким-то невероятным образом сделать выводы, отражающие настоящие намерения двух песчинок, отбившихся от бархана. В пустыне, как Рамон называл Леонард, этих частичек было не счесть, и все они одинаковы, если не разглядывать вблизи.

– Садись, садись, – полушепотом поторопил Рамон и открыл «Клементину» ключом. – Нет, сзади! – добавил он, когда Элинор потянула ручку передней пассажирской дверцы.

Женщина повиновалась, удержавшись от вопроса «какая разница?». Лучшая тактика сейчас – молча выполнять просьбы и отложить все сомнения и разговоры до момента, когда они благополучно прибудут на место. Рамон все спланировал; она должна довериться, какие бы тревоги внутри вдруг не проснулись. Хуже, чем прежде, быть не могло. Будет только лучше и никак иначе!

«Клементина» сонно загудела, выползла с парковки давно закрытого магазина и повезла их по неизвестным Элинор улицам. Рамон построил весьма витиеватый маршрут. Проехав по одной улочке совсем чуть-чуть, они свернули в за-

пущенный проулок, где наружные зеркала едва не чиркали по бетону фундаментов, когда машина катилась под уклон. Затем – еще пара кварталов по куда более широкой, но пустынной артерии, и вот – снова проулок. Элино́р, не запоминая дороги, просто откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Было не так жарко и душно, как она ожидала: машина остыла, пока стояла в тени, а Рамон, едва они тронулись, пооткрывал все окна, так что волны прохлады приятно разбивались о лицо и трепали волосы.

По мере удаления от дома Элино́р Рамон словно оттаивал, становясь самим собой. Он отбросил резковато-нервный тон и стал комментировать виды за окном, делиться со своей пассажиркой впечатлениями от первого этапа плана.

– Да, конечно, надо было ночью все это делать. Тогда и спокойнее мне было бы.

– Как раз ночью могли бы возникнуть проблемы, – заметила Элино́р. – Мой сын имеет привычку приходить и уходить в очень позднее или раннее – как посмотреть – время. А тут вдруг я с чемоданами... Пусть ему и его отцу на меня плевать, но кто-то один уж точно заметит, что что-то не в порядке. С чего бы мне уходить из дома посреди ночи, если я всегда езжу на наши мероприятия на полуденном поезде? И никогда не беру с собой столько вещей. А так начнут что-то подозревать лишь послезавтра, когда съезд пройдет, а я домой к вечеру не вернусь.

– Да-да, я не подумал об этом... Хотя при этом варианте

нас бы никто не опознал. Вдруг кто-то из соседей в окно наблюдал и видел, как ты стояла у дома с чемоданами, а рядом терся незнакомый, нездешний мужик... А потом оба ушли в одну сторону, да еще мужик – с твоими чемоданами.

Элинор издала полусмешок-полувздых и, наклонившись, нежно погладила его бритый затылок:

– Милый Рамон, не переживай так. Никто нас не увидел. А даже и увидел бы – что с того? Они не знают, кто ты такой и куда мы направились, не знают даже марку нашей машины. И вообще... Мы взрослые люди, никаких законов не нарушаем.

Между тем, они уехали достаточно далеко. Плотность застройки становилась все ниже, как и здания вокруг. Места излучали необжитую, но при этом суетливую ауру – промзоны, не иначе. Значит, они либо въехали в Верхний Леонард, либо пересекали окраинные районы Нижнего, те, что граничат с сектором Хавьер.

– Так куда мы все-таки направляемся?

Рамон мельком посмотрел на нее через салонное зеркало:

– Тут совсем близко. Десять минут – и мы там. Правда, еще предстоит немного пройтись.

– Разве мы не уезжаем из сектора? – спросила Элинор в недоумении. – Ты же сам говорил, что нас будут искать, и потому надо оказаться подальше.

Мужчина виновато и ответил не ранее, чем они миновали два перекрестка.

– Мы как бы и окажемся за пределами Леонарда, но никто этого и не заметит.

– Хорошо, допустим, – медленно проговорила пассажирка, переваривая его ответ. – А мы точно должны идти пешком? Никак не выйдет доехать? Сегодня меньше всего хотелось бы, учитывая, какое пекло стоит...

– Увы, только так. Но не переживай: там прохладно.

Где могла в это время выжить прохлада, как не в помещении? В парке, быть может? Или в тоннеле. Элино́р не стала уточнять, но про себя перебирала догадки всю оставшуюся часть пути.

Старый кирпич, грязный бетон и ржавчина встретили их там, где Рамон развернулся и заглушил двигатель. Впереди стояли склады, а за ними высилась стена. Совершенно пустое, тоскливое место.

– Где это мы?

– На границе Гранд-Леонарда. Дай мне две минутки, и мы пойдем.

Тяжело пыхтя, Рамон вытащил чемоданы из багажника, вооружился отверткой и принялся откручивать транспортный номер.

– Пусть ищут, – хмыкнул он, довольный собой. – Сколько таких «Клементин» в городе? Да сотни, а то и тысячи! В это глухое место еще надо догадаться заглянуть! – Рамон глянул на Элино́р, ожидая подтверждения, что действовал умно.

– Да, точно, – только и нашлась она. – А мы обойдемся

без машины? Ведь без номера нельзя...

– Обойдемся, дорогая, – с номерами подмышкой он подошел к Элинор и чмокнул ее в щеку. – Не могла бы ты взять эти железяки?

– Конечно.

Филомена вытянула номера и последовала за Рамоном к складам. Между их тусклыми стенами зияла полоса света – туда и устремился ее проводник. Боком, чиркая ношей по кирпичу. Она тоже стала протискиваться, чувствуя, как нелепо смотрелось ее красивое платье на фоне места и действия.

– Иначе... ох... туда не попасть, – пояснил Рамон, тяжело дыша. – Через сам склад пройти бы... но замки на всех дверях...

И вот они оказались на той стороне. Элинор не знала, что ожидала увидеть, но точно не это. Не таким в ее понимании должен быть оазис. Безжизненный задний двор – вроде маленькой свалки в начальной стадии – окружала буйная растительность, которая в своей дальнейшей экспансии была ограничена бетонной стеной метра четыре высотой. Стена тянулась в обе стороны, соприкасалась с неказистыми строениями, заборами. Можно было подумать, что Рамон водил спутницу по закоулкам города-призрака; но вдруг по эстакаде за небольшим производственным зданием пронесся поезд. Если прислушаться, то можно было уловить и далекое шуршание автомагистрали. Да, жизнь теплилась где-то ря-

дом: всего за двумя-тремя слоями кирпича и металла. И в то же время недостижимо далеко.

– Куда дальше? – спросила Элино́р, вытерев пот со лба. Бетон и кирпич вокруг раскалились до такой степени, что двое забредших в этот тоскливый тупик людей чувствовали себя в лоне гигантской печи. – Уж не перелезть ли ты собрался?

Рамон отрицательно покачал головой. Поразительно, как переменилось его настроение за мимолетные пятнадцать-двадцать минут! Глаза лучились радостью, а рот растянулся в самой блаженной улыбке, когда-либо появлявшейся на этом лице – на памяти Элино́р, по крайней мере. Рамон больше не сутулился и не озира́лся по сторонам, но словно подпитывался растерянностью спутницы.

– Идем. Я же обещал прогулку в прохладе. Так и будет.

Он стал продираться через кустарник, проводя чемоданами борозду в доходившей до колена траве.

– Осторожно, тут торчит какая-то палка, – Элино́р обошла место, на которое мужчина указал, изворачиваясь, чтобы не зацепиться платьем за ветку или не нахватать колючек на подол.

– Что это за стена? Я имею в виду, что за ней?

– То самое место, – откликнулся Рамон с небольшой задержкой. Его голос едва долетел до женщины сквозь шорох листвы и сочных стеблей. – Ты сама мне скажешь, что это, когда увидишь его.

– Далеко ли еще?

– Не очень. Мы почти на финишной прямой.

– Хорошо, если так, – выдохнула Элино́р, обнаружив свежий порез на локте.

Они спустились в пологую канаву под самым забором. Двор склада остался метрах в пятидесяти позади. Рамон оставил чемоданы на куске бетонной плиты, а сам разворочил заросли и склонился над чем-то невидимым. Приблизившись, Элино́р различила ржавые прутья решетки, которую он пытался вытащить. Довольно скоро металл поддался, явив взору квадратную дыру в земле. Женщина подошла еще ближе, наклонилась. Там, внизу, журчала грязная вода в пятне солнечного света. Рамон, сидя на корточках, наблюдал за ее реакцией.

– Коллектор?!

– Да, милая. Теперь – коллектор, а некогда – небольшая речушка. Ну а для нас с тобой это – путь к спасению.

Элино́р с ужасом посмотрела на сияющее лицо любимого, затем на спуск в сырой колодец.

– Рамон, ты что? Зачем такие сложности, такие опасные...

Рамон одарил ее успокаивающей улыбкой и встал во весь рост, потянулся.

– Я бы и рад провести тебя более понятным, простым путем. Но его нет, прости. Могу тебя успокоить: там совсем не опасно.

– Откуда ты можешь знать наверняка? Мало ли что таится

в таких местах!

– Внизу не таится ничего, кроме воды. Уж я знаю, я проходил этим путем десятки раз. – Рамон подошел к Элинор и взял ее за руки. – Посмотри на меня, моя дорогая. Ты мне веришь?

Женщина заглянула в его глаза и увидела собственное отражение. Тревожное, бледное. И чувство, что с самого начала все пошло немного не так, как думалось, вернулось, стало набирать силу.

– Ну не молчи. Ты сама понимаешь, что пугает только темнота, неизвестность. Поверь мне, она и вполовину не так плоха, как люди и места, которые мы покинули. Давай доведем дело до конца. Я многое сделал, чтобы наступил этот момент.

Элинор вздохнула, пожала плечами:

– Что ж, если это – и правда, единственный путь, я доверюсь твоему здравому смыслу. Уверена, ты не стал бы влезать во что-то действительно опасное, да еще и меня втягивать, – она говорила больше для себя, нежели для него. Тем не менее, Рамону этого было достаточно.

– Я огражу тебя даже от минимальных неприятностей, – торжественно объявил он. – Пронесу на руках, так что ты даже ног не замочишь.

– А вещи? – кивнула Элинор на чемоданы.

– Вернусь за ними, как только доставлю тебя на место. Их тут никто не тронет.

Он снова углубился в заросли, опустил на колени перед сложенными домиком обломками плит и запустил руку в пустоту между ними. Вытянул оттуда пару высоких резиновых сапог.

– Там сейчас воды немного: сантиметров двадцать пять-тридцать. А вот весной бывало до середины бедра. Потому я и раздобыл такие.

– И как давно ты начал туда ходить? – спросила Элинор, глядя, как он обувался.

– О, давно. Потому тебе и нечего переживать, – Рамон подмигнул и снова улыбнулся. – Пора спускаться.

Он пошел первым, вооружившись фонариком, затем стала спускаться Элинор. Она с опаской переставляла ногу на каждую следующую ступеньку металлической лестницы – холодной, мокрой и осклизлой. В лицо летели неисчислимые мелкие брызги, будто кто-то направил на женщину гигантский пульверизатор. Свет фонаря едва разгонял черноту. Ей вдруг показалось, что вода шумит чрезвычайно сильно; что созданный ее движением гул вот-вот опустится на голову, словно шлем весом в десятки килограмм. Элинор погрузилась в эпицентр водопада звуков и странных запахов. Все происходило, как будто во сне. Казалось: стоит лишь преодолеть несколько ступенек, упасть в объятия Рамона, и известный ей мир умрет, а новый еще не родится. Они очутятся посередине – в сюрреалистичном чистилище для беглецов.

Двинулись. Она – на руках Рамона, забрав себе фонарь

и вглядываясь в те места, по которым скользил луч света, рассеиваясь в мнимой бесконечности. Он – осторожно переставляя ноги, разрезая шагами тихую гладь реки. Хоть и мелко, но идти было непросто из-за драгоценной ноши – Элинор понимала это по тяжелому дыханию мужчины и его напряженным мышцам.

– Не свисти! – филомена легонько ткнула своего рыцаря кулаком в грудь, когда он издал пронзительную соловьиную трель. – У меня и так мороз по коже.

– Уф, руки потеют. А ты тяжелее, чем кажешься.

– Вовсе нет. Просто мы идем уже минут десять, – шепнула Элинор ему на ухо и сочувственно погладила по гладкой голове.

– Осталось чуть-чуть... Видишь выступ в стене? Это краешек платформы, на которую мы заберемся чуть подальше. Почти на месте, милая...

И действительно: вскоре выступ раздался вширь настолько, что по нему можно было идти. Рядом располагалась лестница. Элинор залезла первой и посветила на площадку, пока Рамон к ней не присоединился.

– Нам в ту дверь, да? – спросила она, указав туда, где в круг света попало углубление в стене, внутри которого – прямоугольник крашеного металла.

– Да. Заходи первой, не бойся.

Элинор пошла медленно, держась на всякий случай за перила одной рукой, а пальцами другой, вытянутой в сторо-

ну, едва касаясь стены. Ее накрыла волна страха. С каждым шагом росло ощущение, что стоит лишь нарушить контакт с этими ориентирами, как она сразу потеряется в пространстве: верх смешается с низом, а лево перебежит вправо. Рамон что-то сказал, но Элино́р не слушала. Ее стало знобить. Платье и волосы вымокли насквозь от непрерывных атак водяной пыли. Теперь стало ясно, почему Рамон, несмотря на жару, попросил захватить с собой куртку.

Холодная дверь – будто сделанная из льда, не из металла – открылась с поразительной легкостью, несмотря на неприступный, массивный вид. За ней шел небольшой вестибюль, от которого ответвлялся узкий коридор. Впереди располагалась лестница наверх.

– Прямо, – подсказал Рамон, подойдя сзади вплотную и легонько поцеловав ее в шею.

– Здесь что, нет освещения? – с оттенком раздражения спросила Элино́р, подсвечивая ступени, чтобы не споткнуться.

– Давно уже нет.

Еще одна площадка с дверью. Она тоже легко повернулась на петлях. Сперва Элино́р подумала, что помещение невелико, так как луч света уперся в бетонную стену. Но затем она направила фонарь вправо и охнула: то, что женщина приняла за стену, оказалось фрагментом огромной колонны. Соскользнув с ее края, свет сорвался в бездну пространства, не встретив по пути ни единой преграды. В следующий миг

Элино́р вздрогнула от неожиданности и заслонила глаза рукой: несколько десятков лампочек загорелись слепящим синеватым светом.

– Что...? Рамон? – в ее голосе слышалась растерянность.

– Я здесь. Сейчас глаза привыкнут, и увидишь! – как же долго он предвкушал это событие!

Элино́р слегка разлепила веки и посмотрела себе под ноги. Бетонный пол. Щурясь, подняла взгляд. Ряды цилиндрических колонн высотой метров в пятнадцать, несмотря на их размер, количество и частоту, не создавали ощущения ограниченного пространства – настолько огромным был этот подземный зал. Только около стены, где стояли Элино́р и Рамон, шло три ряда, а между ними лежали... ленты электротротуаров, уходящие влево и вправо. Элино́р не могла ошибаться, ибо точно такие же доставляли ее к дверям ненавистной резиденции.

Миновав колонны, они подошли к частично металлическому, частично стеклянному барьеру высотой до середины груди. Элино́р заглянула за него, встав на носочки и вытянув шею, и увидела внизу несколько глубоких колеи с рельсами. Их также разделяли несущие конструкции – еще более монструозные, чем у входа. Далее, отгороженная стеной из одноуровневых построек, параллельно железнодорожным путям шла автомагистраль, по две или три полосы в каждую сторону. За ней с немалым усилием можно было разобрать такое же возвышение с барьером, как то, у которого стояла

Элино́р, а еще дальше – аналогичные ряды колонн, почти полностью скрывавших противоположную стену.

Имевшегося света не хватало, чтобы разогнать тени, залегшие тут и там: под потолком, подле колонн, барьеров, в углах. Колеи с дорогой и вовсе будто покоились на дне бассейна, заполненного густым полумраком, что вкупе с почти осязаемой тишиной придавало залу мистический вид, от которого Элино́р онемела.

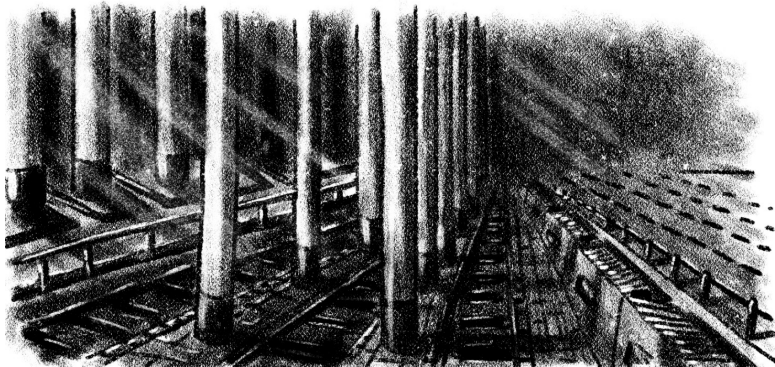
– Впечатляет, правда? – спросил Рамон тихо.

Она обернулась к нему, шокированная тем, как одиноко прозвучал его голос и как ничтожно смотрелась его фигура на фоне двух пустых глазниц разного размера, зияющих вдалеке – тоннелей железнодорожной и автомобильной магистралей.

– Куда ты меня привел? Секретный бункер? Брошенная военная база? – прошептала женщина, с усилием разомкнув губы.

Рамон поднял глаза к потолку, окинул взором зал, смакуя момент ее непонимания и смятения.

– Нет, это не бункер, не база. Но место заброшенное – тут ты угадала.

– Ну а что же тогда? Уж не здесь ли..., – она замаялась, – уж не «оазис» ли это?

Мужчина рассмеялся и приблизился, заключив Элинора в объятия:

– Неужто я настолько ненормальный, чтобы заточить себя и тебя в страшном пустом подземелье?

– Нет? – робко уточнила она, подняв на него глаза.

– Нет, конечно же, нет. Мы идем наверх, любимая, там и ждет нас новое гнездышко.

Все еще под впечатлением, Элинора подавляла всплывавшие в воображении картины – предполагаемые виды того самого «гнездышка». Что могло удивить ее после всего случившегося за утро? Да и, в самом деле, не спятил же Рамон, чтобы привести ее туда, где им не будет жизни? Он настрадался не меньше ее, мучимый жаждой покоя и счастливого уеди-

нения при сохранении всех благ цивилизации под рукой.

Поглощенная этими мыслями, женщина толком не поняла, куда вел ее Рамон. Была вроде бы лестница наверх, какие-то технические помещения, темнота, разрезанная пополам лучом фонарика, запах сырости и свирепая прохлада. Окончательно вернуться в реальность заставило солнце. Они стояли в большом холле с незаконченной отделкой. Такой же пустой, как и лабиринт под землей, он, однако, не пугал: в нем было светлее и теплее благодаря большим окнам по всему периметру. Удивительно, как за каких-то полчаса можно кардинально изменить отношение к жаре – всего-то и надо сменить обстановку на противоположную.

Вопреки ожиданиям Элинор, они не вышли на улицу через широкие двустворчатые двери, но продолжили подниматься по красивой лестнице с мелкими ступенями, начавшейся прямо у входа. Под ногами хрустели осколки бетона и кирпича; в полосах света плясала потревоженная пришельцами пыль.

– Что мы делаем в заброшенном здании, Рамон? – спросила Элинор между вторым и третьим уровнями. – По правде говоря, я уже устала...

– Мы пришли, дорогая. И это больше не заброшенное здание, – ответил мужчина, не переставая подниматься. – Теперь это наш дом.

– Это? – филомена споткнулась. Вниз полетели камешки.

– Ну, не прямо эта часть здания, – поспешно добавил муж-

чина. – Наверху, наверху...

Элино́р только вздохнула, а про себя стала молиться всем силам, в какие никогда не верила. Просить, чтобы там было лучше, чем везде, где она побывала с момента спуска в коллeктор.

И снова дверь на крохотной площадке, огороженной перилами. Балки сводчатого потолка, казалось, нависали здесь настолько низко, что можно было удариться головой.

Рамон достал большой ключ из кармана шорт и возился с минуту, пытаясь открыть дверь.

– И этот замок стал подводить!.. Первый раз такое. Сейчас, мне вот его бы еще на полоборота. Давай же!... – он толкнул дверь плечом и сумел, наконец, повернуть ключ до конца, о чем свидетельствовал громкий щелчок. – Прошу, кивнул Рамон, отстраняясь и пропуская Элино́р вперед.

Она переступила порог и оказалась в круглом помещении, странном в не самом приятном смысле слова. По центру располагалась кирпичная колонна, а от нее к стенам и входу расходились перегородки из разнокалиберных крашенных досок высотой в человеческий рост. Они формировали своеобразные отсеки, соединенные коридорчиками. Изнутри конструкция была обита фанерой или чем-то подобным. Обомлев, женщина разглядела уродливое изголовье кровати, самодельные полки, спинки стульев. Нет. Нет! Как могло все закончиться здесь? Неужто ради вот этого она проделала путь, изводя себя надеждами?

– Располагайся, осмотришь пока что. А я бегом за чемоданами и обратно. Ух, не терпится в первый раз пообедать здесь с тобой. Кухню, кстати, найдешь справа. Думаю, разберешься, что к чему, – фразы вылетали из Рамона автоматными очередями, но доносились до Элинор как будто издали и с опозданием. – О, и я закрою тебя с той стороны. Тут, конечно, никого больше нет, но на всякий случай... Я быстро, дорогая, – он чмокнул ее в щеку и поспешно вышел, захлопнув дверь и щелкнув замком прежде, чем пленница смогла выдать из себя хоть какие-то слова.

Тишина опутала убежище, как незримая паутина. От двери к полу вело несколько ступенек. Элинор робко опустила ногу на первую ступеньку, другую ногу – на следующую и, наконец, сошла с лестницы на голые бетонные плиты. С каждым шагом она беспокойно вертела головой, оглядывалась, косилась на перегородки. Пусть и сказал Рамон, что никого нет, но... Она, пожалуй, впервые оказалась в месте, где даже малейший шорох не царапал слух. Словно весь мир выключили, поставив едва теплившийся очаг сердцебиения на беззвучный режим. Да, конечно, ей хотелось покоя, избавления от обязательств, но выдержит ли она желаемое, поданное в столь неудобоваримой форме?

Ладно, стоило успокоиться, дожждаться Рамона. Возможно, она еще чего-то не знала, либо фокусировалась не на том. Путь сюда хоть и занял от силы полтора часа, утомил Элинор донельзя. Хотелось есть, и довольно сильно. Посему на-

до было освоиться в этом месте и, как сказал любимый, изучить кухню. Ведь что значат неприятие и страх перед лицом голода? Ерунда, все ерунда. День только набирал обороты, и она во всем разберется, неспеша и по порядку. Все будет хорошо.

* * *

– Извини, что пока только рукомойник здесь. Я не смог придумать, как провести в надстройку воду. Но внизу на первом этаже есть туалеты, и там я устроил душ. Даже горячая вода есть – я поставил кое-какое оборудование. Свет тоже имеется, – мужчина выглядел крайне довольным собой, будто бы наличие душа – привилегия, данная лишь ему одному.

– Рамон... – осторожно начала Элинон.

Изобретатель, напевая что-то себе под нос, помешивал суп в закопченной кастрюле. Та стояла несколько неустойчиво на маленькой походной плитке. Запах еды уже достигал ноздрей, но особого аппетита у Элинон не вызвал. Голод будто затаился на некоторое время, вынуждая ее беспокоиться о других вещах.

– М?

– У тебя уже есть план?

– Какой план, дорогая? – Рамон зачерпнул суп и поднес окутанную паром ложку ко рту.

– На какой срок мы задержимся здесь, прежде чем отпра-

виться в постоянное убежище?

Слегка опешив от вопроса, он машинально наклонил ложку, и ее содержимое пролилось на пол.

– Временное? На самом деле, я рассчитывал, что мы все обустроим, сделаем из места постоянное жилье... – увидев выражение лица Элинора, он поспешил добавить: – Да, я знаю: тут не самые комфортные условия, но ты же не рассчитывала, что мы получим все и сразу?

Элинора встала с табурета, обвела рукой хлипкие стены кухни-закутка:

– Но, милый, ты же сказал, что уже давно готовился! Так к чему готовился? К этому? Что же ты делал все это время?

Впервые с момента прибытия улыбка сползла с лица Рамона. Теперь он казался уязвленным.

– Моя работа не видна на первый взгляд, потому что ты не была тут со мной с самого начала, да и не разбираешься во всех этих технических вещах. Но я расскажу, раз тебе так интересно, – игнорируя закипевший и переливающийся через край кастрюли суп, он схватил Элинора за руку и потащил в коридорчик, стуча костяшками по фанере.

– Ай! Рамон, больно!

– Ты знаешь, сколько раз нужно съездить в город и обратно, чтобы здесь оказались все эти листы? Восемь! Восемь раз, Элинора! А это пятнадцать часов потраченного времени, а денег сколько! Но идем дальше! Видишь эту кровать? – он пнул ногой деревянную ножку грубоватого ложа. – Я сделал

ее сам! Целый день ушел на поездку за материалом и саму работу.

– Хорошо, Рамон, отпусти, пожалуйста, ты больно вывернул мне руку! – Элинор вырвалась из неожиданно крепкой и агрессивной хватки и отстранилась, врезавшись спиной в перегородку. Раздался треск.

– Осторожно, дорогая!

Рамон приблизился, но Элинор выставила вперед ладонь.

– Не надо, не подходи! Ты сделал мне больно! Мог и руку сломать...

– Ладно, ладно... Прости меня. Я... мне просто обидно было слышать от тебя, что я ничего не сделал. Я не должен был...

Элинор, все еще глядя обиженно и немного испуганно, опустила на табурет напротив кровати.

– Хорошо, забыли. Но никогда больше не обращай со мной так. Держи себя в руках. Договорились?

Рамон с виноватым видом кивнул.

– И все же давай проясним. Я больше не выдержу секретов, ожидания, твоих загадочных улыбок. Скажу честно: сегодняшний день меня шокировал. Я совсем не того ожидала. Если бы ты меня подготовил, рассказал о своих планах...

– Я боялся, что ты откажешься бежать со мной, узнав, насколько все непросто, – пробормотал мужчина, пожав плечами.

– Что ж, возможно, и отказалась бы. Но если бы ты с са-

мого начала грамотно объяснил мне, описал, что и как... Ох, я очень жалею, что не настояла, не заставила тебя ввести меня в курс дела.

Рамон вздохнул:

– Мне всего лишь хотелось, чтобы ты доверила мне подготовку и ни о чем не беспокоилась.

– Я доверила и доверилась, Рамон! – воскликнула женщина с ноткой отчаяния. – Не обманывай мое доверие. Меньше всего я хочу разочаровываться в тебе – боюсь, в этом случае я вообще не смогу уважать мужчин.

Рамон поднялся с кровати, опустился перед Элинор на корточки и положил ладони ей на бедра, собрав подол платья в складки.

– Не обману, дорогая моя. Просто наберись терпения, – прошептал он и поцеловал ее в оголенную часть бедра. От прикосновения его губ Элинор вздрогнула, как от легкого удара током. Они долго, неотрывно смотрели друг другу в глаза с беспокойной нежностью и сомнением под оболочкой из взаимопонимания. Элинор прервала контакт первой, переведя взгляд на дальнюю стену, где под потолком располагались узкие окна. Транслируемая ими полоска небесной синевы неприлично буйно контрастировала с блеклым убранством чердака.

– Тогда скажи: как ты планируешь устроить нашу жизнь, чтобы она была полноценной и счастливой? Это возможно сделать здесь? И почему именно здесь? Неужели не нашлось

более подходящих мест?

Рамон нервно облизал губы.

– Я выбрал это место, потому что не нашел другого. Я руководствовался главным: нам нужно убежище, где нас точно никто не достанет. Ведь нас будут искать, ты сама это знаешь. Не будь мы гражданами Леонарда, выехали бы в провинции, никто бы и не заметил. А так – розыск. Сперва внутрисекторальный, потом межсекторальный. А там и общеимперский, скорее всего. Список пропавших людей периодически оглашают на радио, по телевидению, развешивают фото на площадях.

Элинор не сдержала снисходительно-жалостливой улыбки – такая обычно бывает, когда слушаешь наивные рассуждения ребенка или выжившего из ума старика.

– Рамон... Если в этом городе сорок миллионов человек, то сколько пропадает каждый день? Сотни, должно быть! Разве есть кому-нибудь дело до каждого из них? Какова вероятность, что нас кто-то узнает?

– Она невелика, но есть. Нельзя жить, боясь выйти даже в магазин за булочками. Общение с кем бы то ни было станет ошибкой, если этот человек нас узнает и сообщит властям. На работу тоже не устроиться, ведь при приеме попросят документы. А стоит их показать – и мы выдадим себя, пропавших и разыскиваемых. Поэтому и не будет у нас там никакой социальной жизни, дорогая. Из осторожности. А раз она невозможна, так зачем нам прятаться возле людей? Только

сюда дорога, в оазис, – он любовно оглядел перегородки, мебель, потолок. – Возможно, он не совершенен, но это наш мост в новую жизнь.

– А почему ты уверен, что здесь нас никто не найдет?

– Потому что многие и не помнят, что такое место существует. А кто помнит – не додумается искать в нем. Оно как бы вычеркнуто из жизни города.

– Так где же мы?

Рамон поднялся на ноги:

– Пойдем, покажу.

Элинор устало мотнула головой:

– Прости, но мне сполна хватило пешей прогулки на сегодня. Я вся вымокла, ободрала руки, ноги, хочу есть и...

– Дурочка, я не зову на прогулку. Только пройти к окну. Ты все поймешь.

И она со вздохом приняла протянутую руку. Рамон вывел ее из фанерного лабиринта, за которым находилась лестница. Она карабкалась по стене, словно металлическая сороконожка, и упиралась вершиной в квадратный люк.

– Вот поднимемся по ней, и...

– Рамон! – предостерегающе подняла брови Элинор.

– Честное слово, дорогая, только поднимемся вверх, и все. А те окошки – они маленькие и очень высоко, из них ты почти ничего не увидишь. Уверяю, оно того стоит.

– Ох, ладно. Но чтобы больше никаких сюрпризов, хорошо?

– Клянусь, их не будет! – Рамон и на этот раз полез первым, мурлыкая какую-то мелодию и прерываясь на слова ободрения и похвалы следующей за ним женщине.

– Я сама не знаю, зачем карабкаюсь. Наверно, и правда любопытство перевешивает усталость, – тихо сообщила ступенькам Элинор.

С зубодробительным скрежетом мужчина откинул люк, выпустив столб свежего воздуха, и вылез. Протянул руку филомене, и очень вовремя: на предпоследней перекладине у нее соскользнула нога. С усилием преодолев финальный барьер, Элинор рухнула на металл крыши. Не успей он раскаться под полуденным солнцем, пролежала бы на нем минут десять, не особо беспокоясь о чистоте платья и ног...

– Ты справилась! Да, сегодня жара небывалая, так что осторожно. Присядь на ту деревяшку, отдышись. А потом наслаждайся видом.

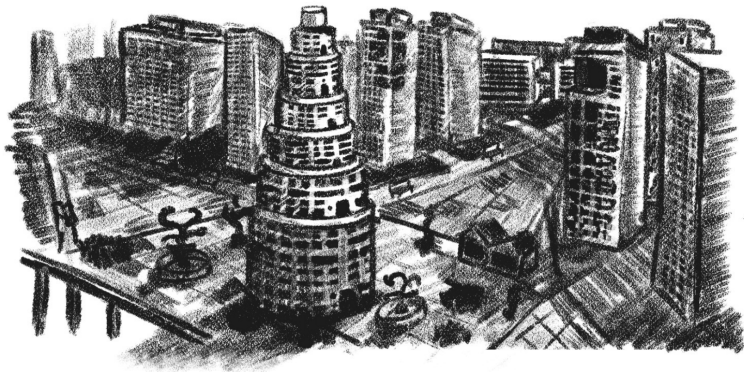
С крыши действительно было, на что посмотреть. Прямо перед ними возвышалась цилиндрическая башня в сорок уровней высотой. Начиная с десятого, каждые следующие пять уровней были немного уже предыдущих в диаметре, и каждый такой переход отмечала открытая площадка-балкон с высоким парапетом. Башня располагалась в центре громадной прямоугольной площади, мощеной крупной плиткой разных оттенков голубого и серого. Видимо, полное впечатление узор, в который она была сложена, мог произвести только с верхних секций центральной высотки – настолько

масштабным он был. По площади в хаотичном порядке были разбросаны футуристические скульптуры в два-три человеческих роста; фонтаны, похожие на кляксы и абракадабры, что создаются карандашом в полной сырого энтузиазма детской руке; частично крытые павильоны, лавки и столики под ломаными навесами; борозды электротротуаров... И никаких автомобильных дорог. Никаких рельс, никаких столбов с проводами, никаких знаков – только бесконечно тихая, пустынная площадь. Квадраты поросшей травой земли торчали зелеными островками в плиточном море – очевидно, их собирались засадить деревьями, разбить клумбы, но в итоге передумали.

По бокам от застывшего в стадии благоустройства пространства располагалось еще множество высотных зданий, причем левая и правая стороны образовывали два абсолютно симметричных крыла, отходящих от башни, так что каждое строение имело напротив своего близнеца. А добавив к этому площадь, что протянулась от центра вверх и вниз, внимательный зритель получал завершенную композицию – четырехлучевую звезду в обрамлении из дорожек и фонтанов. За ее пределами, насколько было доступно глазу, занимали всю территорию кластеры⁹ зданий в полтора-два раза ниже.

Рамон указал в их сторону.

⁹ Кластер – здесь: группа строений, выдержанных в одном архитектурном стиле и объединенных таким образом, чтобы между ними можно было перемещаться, не выходя на улицу, по тоннелям и крытыми переходам (интерсекциями).

– Я видел фотографии той части сектора, сделанные с высоты птичьего полета. Отсюда, к сожалению, всей красоты не разглядеть. Нам бы повыше... Любая группка тех домов, какую ни возьми – это ведь единое целое; каждый из них на средних и верхних уровнях связывается с двумя соседними воздушными мостами и переходами. Таким образом, скопление замыкается в многоугольник: в каждом его углу стоит высотка, а переходы служат своего рода гранями. Понимаешь? Филигранно продуманный городской ландшафт, отчего-то не реализованный до конца, – все высотки в поле зрения хоть и были возведены почти под крышу, но их лишенные стекол окна выдавали истинное положение вещей.

Рамон, который еще долго прохаживался взад-вперед по крыше, наконец, приблизился к Элинор, чтобы обсудить ее

впечатления от знакомства с местом.

– Догадалась, где мы?

– Да, – ответила женщина, не поворачивая головы.

– И где же?

– Это замороженный проект покойного императора, верно?

– Так и есть, любимая! – радостно воскликнул Рамон и приобнял ее за талию. – Периферик, сектор будущего. Великое место, великое! – добавил он с благоговейной дрожью в голосе.

– Пугающее, – прошептала Элинор.

– Хм, и пугающее тоже, не спорю. Где еще найдешь столько пустых небоскребов, да чтоб в одном месте, на такой громадной площади? Я думаю, она больше Филдз. Представь, сколько людей планировалось здесь поселить...

Элинор повернулась к нему; в широко раскрытых глазах рельефной рябью отражались высоты правого крыла.

– Планировали. Но не поселили. Здесь только мы, Рамон. Его улыбка стала грустной и умиротворенной:

– Вот именно. И в этом его прелесть.

Она вернулась к созерцанию видов, а он – к их восторженному описанию.

* * *

Элинор выдохнула и обнаружила, что стоит на краю кры-

ши, вцепившись в довольно хлипкое ограждение. В данный момент ее совсем не пугал риск упасть: из-за открывшегося пейзажа вернулось ощущение, что она путешествует по миру снов, а посему – с ней реальной ничего случиться не могло.

Как непонятно, сумбурно все складывалось теперь, тогда как за спиной остались годы пресных мест, людей, действий! Мечтая о резких переменах, Элинор не осознавала, что они тоже могут будоражить и вводить в холодный ступор. Пребывая в нем, она чувствовала, как пересохло в горле от беззащитности, безоружности ее ума и тела перед всем новым, хотя в этом новом пока и не намечалось тех же проблем, от которых она поспешно скрылась. Но не получалось избавиться от подозрений, что назревали другие. И чем больше будет вводить ее в курс дела Рамон, тем хуже может быть. Надо ли ей вообще все это знать? О, конечно, надо, как бы ни хотелось верить в обратное! Она должна сама контролировать течение своей жизни. Рамона нельзя назначать единоличным распорядителем того, что скоро может стать их настоящим. А это значит, что ей, для начала, предстоит набраться терпения и смелости узнать все.

Рамон увел Элинор с крыши нескоро, да и то только потому, что жар, исходивший от крыши, душил. Кружилась голова и сильно хотелось пить. Оказавшись в прохладе надстройки, допивая второй стакан воды, женщина вдруг подумала, что безумием было стоять наверху так долго. В конце концов, что ей дало изучение местности, если все теперь своди-

лось к пребыванию в этих стенах, а за стенами не было ничего, кроме рукотворной пустоты?

Ее чувства и мысли вернулись в прежний режим работы, а с ними – вопросы, назревшие еще до крыши.

– Как мы будем жить? Что будем есть? Чем заниматься? Что станет через год?

– Я понимаю, как много тебе сейчас не ясно. На новом месте всегда так, а мы же не только место сменили, но отказались от всего. Но мы постепенно устроим быт, не волнуйся. Я могу потом подумать над планировкой. Мне бы материала набрать – тогда и полноценные стены можно сделать. Комнаты, Элинор, представляешь? Вот тут – досуговая, а там, за столбом – кухня со столовой, далее – дормиторий. Около двери на лестницу – антрэ. А ты pomoжешь, привнесешь тепло и уют женской рукой. Покрасим стены, сделаем украшения своими руками. Будет здорово! Конечно, придется много трудиться...

Элинор устало наблюдала, как он метался из угла в угол с горящими глазами, жестикулируя и рисуя картины видимыми только ему красками.

– Ну, допустим. Я не очень понимаю, как из технического помещения можно сделать уютное жилище, но допустим. Я даже не буду заострять внимание на отсутствии удобств здесь. Меня беспокоит...

Рамон опередил ее:

– Не волнуйся насчет продуктов. Я сделал запасы.

– Что за запасы? На какое время их хватит?

Он провел ее в темный закуток у дальней стены, где соорудил стеллажи высотой в два метра. На них стояли коробочки с чаем, солью, крупами, консервы, бутылки с водой, банки с суповыми смесями. На полу в деревянных ящиках лежали цветастые пакеты с сухими закусками.

– Думаешь, это все? Ха! У меня припрятано в подвалах много другого.

Элинор не удержалась от аналогии:

– Как в бомбоубежище. Не хватает только...

– Электричество есть, если ты про него. Но придется оставить на особые случаи. Дело в том, что я раздобыл небольшой генератор. Он на топливе, а топлива маловато... Поэтому..., – он развел руками. – А насчет бомбоубежища ты в точку! Я вообще-то брошюры по устройству бомбоубежищ и изучал. Ведь это то, что нам нужно: решение проблемы нахождения в замкнутом пространстве длительное время. Список продуктов тоже оттуда. Ой, мы про суп совсем забыли!

Запах гари более нельзя было игнорировать, несмотря на всю увлеченность бытовыми вопросами. Но к моменту, когда они вернулись на кухню, в кастрюле осталось жидкости на несколько столовых ложек.

– Ничего, ничего. Вот, погрызи, пока я что-нибудь другое не придумаю, – Рамон схватил с полки пакет мясных хрустяшек с луком и протянул устройшейся в углу Элинор.

– Спасибо, – она вяло поблагодарила. – Ты молодец, что натаскал столько всего. Но, конечно, понимаешь, что рацион получится неполноценным? Сушеные фрукты и овощи не заменят свежие. Свежее мясо и вяленое – это разные вещи, – вскрыв пакет, Элинор положила в рот обсыпанный приправами ломтик. Он показался безумно вкусным, так что за ним быстро последовали второй и третий.

– Я и над этим работаю. У нас, может, и не получится теперь выбираться в город, но кто сказал, что другие не могут купить нам необходимое и доставить в Периферик?

– Кто? – недоуменно поинтересовалась Элинор. – Я думала, мы тут одни.

– Так и есть, да. Если не считать двух человек, которые работают и живут на посту охраны при центральном въезде.

– И... Что же?

– Я с ними говорил, и не раз. Почти подружился. Так вот, один из них в скором времени хочет уволиться. А я могу занять его место.

– Ты же сам сказал, что нам нельзя светиться?

Рамон поставил на плиту сковородку, зажег газ.

– Не будем мы светиться, дорогая. Ты не против яичницы? Быстро и вкусно.

– Не против. Но не увиливай от ответа, пожалуйста. Что ты задумал?

– Да ничего особенного, – пожал плечами мужчина, разбивая яйца. – Старик, который останется охранять террито-

рию, Эдуард, примет меня помощником вместо того, который уйдет. Неофициально. Скажет начальству, что больше не нужен ему напарник, что работы немного, и он справится сам за хорошую прибавку. А сам возьмет тихонько меня. Конечно, он предупредил, что за это часть положенных мне денег он будет оставлять себе. Все-таки, рискует сам, распоряжаясь вакантным местом, обманывая вышестоящих. Ну, я и согласился. Сейчас это единственная возможность для нас прокормиться, когда прикончим все мои запасы и промотаем сбережения.

– Вот как. И сколько же он будет тебе платить?

Рамон замялся:

– Если честно, мы пока не обсуждали конкретные цифры. Но, думаю, заработанного будет хватать на еду, одежду и даже кое-какие вещи для дома.

Элинор прикончила последнюю хрустяшку и скомкала пакет. Ей было не по себе. Не только от того, как неопределенно, тревожно все складывалось, но и от осознания, что Рамона, очевидно, это не смущало. Напротив, ему нравилось. Как будто бы именно о такой урезанной версии жизни он и грезил, когда они обнимались, бродили по вечерним улицам, поносили своих обидчиков и жаловались на проблемы, уверяя друг друга в грядущем счастье.

Пятый день новой жизни Рамон начал с перечитывания газеты двухнедельной давности, лежа в постели. К своей досаде, он не удосужился сделать их запас для досуга. А дни, меж тем, оказались чрезвычайно длинны, когда стало нечем их занимать. Все-таки, приходиться в оазис на несколько часов и пребывать там безвылазно несколько суток – вещи абсолютно разные. Попробовав, он начал это понимать.

Конечно, было несколько книг, которые он «позаимствовал» в одной из городских библиотек. Но сейчас не хотелось браться за что-то объемное. Пробегая глазами страницы, Рамон не понимал смысла прочитанного, не мог сосредоточиться и набраться терпения. А, может, просто произведения были так себе. Да уж, журналы типа «Технологии и концепты», «Механика в метрополии», «Инженеры века» его бы развлекли. Возможно, и подкинули бы идей по дальнейшему благоустройству убежища. А так...

Радио молчало в пыльном углу закутка-гостиной. Рамон решил как можно дольше не включать его, чтобы поберечь батарейки. Кто знает, как скоро освободится место на посту? Что, если уход старого охранника на пенсию затянется, займет месяцы? В таком случае имевшиеся сбережения могут уйти на пополнение запасов продовольствия. И останется ли что-то на обслуживание удовольствий – таких, как

радио, электричество по вечерам, журналы – этого знать он не мог. Кроме того, Рамон лишь накануне спохватился, что не закупил лекарства. Поход в больницу отныне становился предприятием с высокими рисками, а Элино́р, хоть и работала в долгое время в учреждении, близком к медицинскому, но к лечению пациентов не допускалась и серьезную помощь оказать вряд ли могла. Так что таблетки, мази и бинты оставались той соломинкой, за которую они, самоизолированные, могли бы ухватиться в случае неприятностей со здоровьем. К счастью, Элино́р собрала небольшую аптечку с самыми ходовыми медикаментами, когда покидала дом.

Элино́р... Рамону не удавалось наслаждаться счастьем, чувствовать его пробуждение не только из-за внезапно обострившейся проблемы времяпрепровождения, но еще потому, что его женщина выглядела подавленной. Первые пару дней Рамон списывал ее состояние на резкую смену обстановки. У него были месяцы на то, чтобы освоиться в новом жилище, а у нее – нет. Поэтому он ждал, верил, что она привыкнет и начнет ощущать себя, как дома. Развлекал интересными историями, логическими играми. Устроил ей ужин при свечах на крыше, рассчитав, в какое время они бы не были в поле зрения охранников. Работа работой, а находиться на территории сектора не было позволено никому.

Да, Элино́р несколько приободрилась, узнав, что Рамон хранил немного мяса и рыбы в самом глубоком и холодном подвале. Ужином тоже осталась довольна. Но на следующее

утро он наблюдал ее в том же состоянии, которое все портило. Когда она поймет: им надо принять новую реальность и работать над ее улучшением, а не сожалеть о том, что стало недоступно? Что не пускает ее в вольный полет? Не мучается ли она от угрызений совести из-за оставленного сына? У самого Рамона не было детей, и он не знал, каково это – бросить того, кого породил, насколько это сложно вообще и для нее – в частности.

Мужчина отшвырнул газету на край постели: тяжелые мысли уже давно увели его от смысла печатных строк. Элинор до сих пор не вернулась. Поход вниз, в душ, обычно занимал у нее полчаса. Он знал это, потому что первые четыре дня спускался с любимой по ее же просьбе и ждал в коридоре, пока она помоеется. Ее пугала тишина и темнота первых уровней. Сегодня же Элинор заверила, что справится одна. Нет, даже настояла, чтобы Рамон не ходил. И вот уже более сорока минут прошли с тех пор.

Он умылся над тазиком, натянул шорты и направился к выходу, захватив свой верный фонарик. Не могло ничего случиться, но и эта небольшая задержка беспокоила.

Его шаги разносились по лестничным площадкам шаркающими волнами. Свет наружного мира через колодец в потолке уже захватил часть пролета, оттеснив ворох теней к стенам. Неплохо было бы прогуляться, послушать, как шипит неподалеку город в рабочей лихорадке... Но нельзя. Пока что нельзя выйти. Чуть за порог – их обнаружат и выки-

нут за территорию, да еще и полицию вызовут.

Уже подходя к коридору перед душевыми, Рамон заподозрил неладное. Тишина. Темнота. Генератор не работал. Вода не шумела.

– Элино́р? – кинул мужчина в крошечную пустоту, открыв дверь, – его голос гулко отразился от плиточных стен. Глупо. Ясно же было, что ее тут нет. Полоса белесого света пронеслась по абсолютно сухому полу, затем скользнула по стене. Полотенце висело на крючке, на деревянной скамье под ним лежал кусок мыла. Она будто бы правда хотела принять душ, а потом передумала. И направилась... куда?

– Элино́р! Любимая!

Он отчаянно метал слова, обошел каждое помещение первого уровня, и тревога постепенно мутировалась в ужас. Куда она могла деться? Пойди наверх – точно не разминулись бы. Двери на улицу все так же надежно запечатаны. Остается только...

– О, Элино́р, зачем... зачем?! Неужели ты!.. – Рамон кинулся в подвал и облегченно вздохнул, нащупав нить поисков. Когда они поднимались из подземных помещений в день побега, Рамон закрыл за собой эту дверь, а теперь видел, что она зовуще раскрыла проем-пасть.

Прыгая через две ступеньки, мужчина летел вниз и звал.

Верхний ярус подземного уровня. Центральный пешеходный тоннель. Если она решила вернуться в Леонард, то, скорее всего, уже поздно. Форс в сорок минут позволяла Эли-

нор быть на том конце коллектора. Хотя... Какова вероятность, что она сориентировалась в хитросплетениях коридоров и лестниц, оказавшись в них лишь во второй раз?

Уже на середине спуска на транспортный ярус Рамон что-то услышал. Доля секунды – и снова тишина. Он не успел понять, крик это был или лязг металла, но звук шел сверху. Рамон рванул обратно на верхний ярус. Остановился, не зная, налево двинуться или направо, и слушал с замиранием сердца. Снова звук. Далекий, едва уловимый, но реальный. Все-таки лево. Он смело миновал несколько коридоров, прилегающих к широкому тоннелю с обеих сторон. Там скрывались одни тупики: заваренные, либо закрытые на сверхсложные замки входы в подвалы зданий. Элино́р бы в них точно не заблудилась.

Замедлил шаг, Рамон стал ступать осторожно, почти бесшумно. Хотелось позвать, но боялся заглушить звук, когда тот повторится. Минута, а то и больше, в компании лишь фонарного света и отдающегося в ушах стука крови. Могло ли это быть что-то другое? Ну, нет, что за глупости. Крысы так не шумят, а люди... Чего им тут делать? Стоп! Снова звук. Звуки! Шаги, жутковато усиленные эхом, уже гораздо ближе. В одном из коридоров по правую руку, вне сомнения. – Элино́р! Элино́р!

Снова звук. Голос. Это она!

Рамон тяжело выдохнул. Она здесь, она не ушла, не бросила его!

– Элинор!

– Рамон? – ее голос был выше, чем он привык, – из-за страха. – Рамон, я здесь! – женщина выскочила из-за угла и влетела в него, вцепилась обеими трясущимися руками.

– Как я рад, что ты не ушла далеко, как я рад....

Элинор, содрогаясь и всхлипывая, пролепетала:

– Я думала, мне отсюда уже не выбраться.

– Все хорошо. Ты довольно далеко ушла, это правда. Но не думала же, что я не смогу тебя найти? – спросил он не без самодовольства. – А что с твоим фонариком?

– Не знаю. Может, батарейки сели. Он погас, когда я была далеко от лестницы. Это кошмар, Рамон! Я будто ослепла. Шла, выставив вперед руки, боялась страшно, что свалюсь в какую-нибудь яму или шахту. Пыталась найти дверь... И находила, несколько дверей...

– Но все были закрыты...

– Да.

– Глупенькая, я же говорил тебе, что проверял эти коридоры и что все выходы, кроме нашего, бесполезны.

– Ну и что? Я запаниковала, понадеялась на чудо.

Его плечо мгновенно намокло от слез.

– Все хорошо, милая, – снова стал приговаривать Рамон, поглаживая совсем потерявшую самообладание женщину по голове и спине. Прошло несколько минут, прежде чем они вышли из объединяющего транса спасенной и спасителя.

– Давай двигаться обратно. Не хватало еще, чтоб и у ме-

ня батарейки сели, – эти слова подстегнули Элино́р, словно кнут. Она заспешила туда, куда унесся луч фонаря, и чуть ли не перешла на бег, увлекая Рамона за собой. Надо же, как ее пробрало.

Их маленькое приключение будто оживило нечто такое, что впало в спячку в момент побега из Леона́рда. Впервые за все время пребывания в оазисе Элино́р с большим желанием помогала готовить, улыбалась вполне искренне. А ближе к вечеру Рамон отыскал на полке книгу с рецептами, и она вызвалась приготовить вкусное блюдо, которое сделало бы конец дня совершенно чудесным. Рамон, лишь несколько часов назад содрогавшийся при мысли, что любимая могла просто уйти и не вернуться, в радостном изумлении наблюдал за развитием событий. Порыв Элино́р, кажется, привел к тому, что она начала пересматривать отношение к самому месту, а также к действиям и планам Рамона. Они могли сблизиться еще больше, расслабиться и зажить так душевно, как давно желали.

– За твой кулинарный талант, – провозгласил Рамон, поднимая бокал с вином. С большой неохотой он в свое время тащил две бутылки красного, а теперь благодарил себя за прозорливость и за силу воли. С ума сойти, сколько раз он шел по коллектору, по всем этим лестницам и мертвым местам...

– Думаешь, хорошо вышло? По-моему, я пересолила, – с шутливым вздохом самокритики сообщила Элино́р. В свете свечи она, сама того не зная, надела маску загадочной кра-

соты. Может, дело было в выпитом на тот момент вине, но она улыбалась именно так, как Рамон и хотел, как представлял на картинах их совместных дней. Ради воплощения своих фантазий в жизнь он и делал все, что делал: таскал тяжести, мастерил, врал жене. Наконец, жизнь стала выплачивать ему вознаграждение.

– Прекрати. Все идеально, лучше не придумаешь. Я бы никогда не поверил, что кабачок может быть таким вкусным, – в подтверждение своих слов он начал поглощать содержимое тарелки с удвоенным усердием.

Элинор засмеялась. Не весело – чего обычно ожидаешь от смеха – но тепло, нежно.

– Просто я тебя обманула. Это мясо вкусное, а кабачок всего лишь неплохо его дополнил.

– Тогда надо выпить и за твою хитринку, раз блюдо из-за нее такое вкусное получилось.

– Давай.

Их бокалы соприкоснулись с утонченным звоном, и Рамон вдруг посерьезнел.

– Любимая, я тебя очень прошу: не делай так больше. Я знаю, что все далеко не идеально, но мы будем к этому стремиться. Не бросай меня.

Элинор в легком смущении стала водить пальцем по кромке бокала.

– Не брошу. Честно сказать, я сама не знаю, зачем... Мне отчего-то захотелось опять оказаться в городе. Я никогда не

думала, что однажды заскучаю по людным улицам, шуму... Думаю, это от скуки. Прости меня.

Рамон был особенно доволен тем, что она подняла голову и посмотрела на него большими, блестящими глазами, полными чувства вины.

– Я и не обижался. Я только испугался. Что остался один, что все было напрасно. Что я отказался от немногого ради ничего.

– Я с тобой, Рамон. У нас все наладится. Я тоже буду очень стараться.

Вскоре с бутылкой было покончено, и по телам вместе с алкогольным теплом разлилось возрожденное за день желание и нежность. Занавес ночных небес окутал мирок романтического ужина, нависнув над крышей оазиса и предавшись новому акту единения беглецами.

* * *

– Сколько мы уже здесь? Я потеряла счет, дорогой.

– Мм... Сам скоро потеряю. Кажется, конец третьей недели. То есть, то ли двадцатый, то ли двадцать первый день. Но мне так хорошо в последнее время, что я не слежу за датами.

– Невероятно, что всё – так, – Элинора сладко потянулась и повернулась на бок, чтобы глядеть на лежавшего справа Рамона. – Не думала, что когда-нибудь настолько привыкну к этому месту, что буду чувствовать себя... нормально. Ну,

почти...

– Вот видишь, все потихоньку налаживается. Кстати, как ты думаешь, который час?

– Десятый? – предположила Элинон.

– Не-а. Вон, видишь, солнце бьет в окно с краю? В нашу первую неделю это происходило примерно в одиннадцать. Ну, а с поправкой на укорачивающийся день... Думаю, сейчас где-то одиннадцать двадцать пять. А то и одиннадцать тридцать.

Элинон раскрыла рот в изумлении:

– Это сколько же мы валяемся в постели?

– Одиннадцать часов, не меньше, – ответил Рамон и подавил зевок.

– Надо же. До жизни здесь я, кажется, никогда столько не позволяла себе спать. Даже в детстве. Мать меня строго воспитывала, вдалбливала мысль об обязательствах, о том, что необходимо следовать правилам, распорядку.

– И как же сложилась ее судьба? Помогли ей принципы?

– Прожила заурядную жизнь и умерла от гепатита. Я привезла ее в приют, там постаралась облегчить последние месяцы. Впрочем, эту часть истории ты уже знаешь, – она помолчала, невидящими глазами уставившись на противоположную стену. – А принципы... Не знаю. Скорее, мешали. Эта ее закостеневшая мораль не дала развестись с нелюбимым мужчиной, хотя было много желающих занять его место. Мама была очень красивая женщина, но так и не вос-

пользовалась своей красотой, чтобы как-то наладить жизнь. А потом она и меня заставила выйти за Франциска.

– Да, печально. Зато ты, наученная ее опытом, делаешь все, чтобы избежать тех же ошибок. Вырвалась из замкнутого круга! Вдумайся, ты живешь настолько спокойно, свободно, насколько желаешь! Она бы просто не поняла всю прелесть этого, а ты понимаешь и потому можешь считать себя счастливой.

Элинор не ответила, только вздохнула.

– Ты не согласна? Остаются все же сомнения?

– Согласна в целом. Просто думаю о матери, как она... Она была хорошим человеком, но так нелепо прожила. Ради чего все это было? Кому и что она пыталась доказать своими твердыми убеждениями? Жизнь ради выполнения долга! Мне очень жалко ее, – слезинка скатилась по ее лицу и осталась мокрым пятнышком на подушке.

– Ну-ну, – Рамон поспешил обнять женщину. – К сожалению, ты уже не можешь ей ничем помочь. Но повторюсь: ты не она. И, быть может, она бы сделала выводы к старости, может, порадовалась, глядя, как ты не побоялась начать жить не по шаблону... Каждая мать желает счастья своему ребенку. Каждая сделает все, чтобы...

Повисла напряженная пауза, Элинор прикрыла глаза, будто от стыда.

– Прости, я не имел в виду...

– Нет, ты все правильно говоришь. Каждая мать. Неверо-

ятно, но я тоже своему этого желаю. Диаманду без меня будет лучше. Эх, если бы он родился при других обстоятельствах, в другое время, от любимого... Я была не готова. Я и рада бы найти в нем свой смысл, но неприятие просто возникло, вопреки логике и здравому смыслу. Понимаешь?

– Понимаю, – Рамон подумал, что поспешные и болезненные оправдания Элино́р вызваны страхом, что и Рамон возненавидит ее за сомнительный поступок. – Насколько могу – как бездетный – понимаю. Но есть и свои плюсы: сложись жизнь по-другому – мы бы не встретились.

– Это верно.

Из ее ответной реплики он не понял, рада ли женщина, в конечном счете, что все вышло так, как вышло, или же сожаления о невозможности иначе прожить молодость перевешивали. Но почему?! Две недели все шло прекрасно. И вот Элино́р зачем-то стала беречь поджившие раны!

Все еще под тяжелым впечатлением от разговоров в постели, немногословные, они встали, позавтракали кашей и консервированной ветчиной с сухарями.

– Я в душ, – объявила Элино́р, когда они закончили трапезу и составили грязную посуду в стопку.

– Давай. А я следом. Надо уже вынести мешки с мусором, а то запах начинает ощущаться.

– Куда же ты его отнесешь? Мусоропровода тут не предусмотрено, как я понимаю?

– Унесу подальше, чтобы не привлекать крыс к нашему

жилищу. Как можно ниже. Спущу на технический ярус и сброшу в колею железной дороги – там глубоко, места много. Пока так. А там, возьмут на работу..., – Элино́р, благо, не стала на этот раз уточнять, когда случится долгожданный акт трудоустройства. Только кивнула и пошла к выходу, перекинув полотенце через плечо. Рамон зашуршал большим пластиковым мешком у выхода, пытаясь утрамбовать содержимое, чтобы вместить отходы после завтрака и завязать его.

– Тихо! – вдруг шикнула Элино́р.

Вздрогнув от неожиданности, мужчина обернулся к ней. Она замерла на верхней ступеньке, прижав ухо к двери. На лице отразился страх.

– Что такое? – прошептал Рамон, выпрямившись.

– Я слышала, как кто-то внизу топает, а потом – голос.

– Невозможно, – отмахнулся он, но почувствовал, как неприятный холодок сжимает внутренности.

– Иди, послушай сам, – вняв предостерегающим жестам филомены, Рамон на цыпочках подошел, поднялся по ступеням. Занял место у замочной скважины и напряженно, сосредоточенно вслушивался пару минут, пока его женщина прижималась к нему сзади, щекоча неровным дыханием затылок.

– Ничего, Элино́р.

– А не могло быть такое, что охранники заглянули? Ну, очередной обход...

– Не говори ерунды. Двери внизу не открыть, хоть снару-

жи попробуй, хоть изнутри. А зная, что попасть в здание никто не может, они и не будут в него соваться. Проход через коллектор охране неизвестен, поэтому она не в курсе, что внизу осталась незапертая дверь в подвал пансиона. Так что...

Не выходя полностью успокоенной его доводами, Элинор, тем не менее, кивнула и рискнула от шепота перейти к полусшепоту.

– Хорошо. А коллектор? Не мог ли кто-то наткнуться на тот люк, и пройти по коллектору сюда?

– Нет.

– Ты совершенно точно можешь это утверждать, Рамон?

– Я... Ну, ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов. Но сама эта мысль нелепа!

– Почему? Если ты попал сюда из города, то и другие как-то могли...

– Я – особый случай: специально искал место неделями, специально прочесывал местность, шел вдоль стены Периферика и только тогда нашел спуск. Нет, никто больше не стал бы этим заниматься.

– Откуда тебе знать? Мало ли ненормальных...

Рамон нахмурился.

– Так я ненормальный? Значит...

Элинор начала краснеть.

– Нет, я же не про тебя. Я вообще...

Он продолжил, распаленный:

– Может, ты и пыталась сбежать от меня, потому что

решила, будто я свихнулся? Да, такое объяснение кажется мне... – оборвав тираду на полуслове, мужчина замолк и уставился на дверь. Сведенный к минимуму расстоянием и закрытой дверью мужской голос и еще какие-то неопределенные шумы – все шло с первого этажа, из вестибюля. А ему уж точно до сих пор голоса не мерещились. Выходит, Элино́р не показалось. Как бы не хотелось верить в обратное, не показалось им обоим.

– Слышишь? Вот, я же говорила! – возбужденно прошептала Элино́р.

– Слышу, – упавшим голосом отозвался Рамон. – Черти б его драли.

– Все-таки, охранник.

– Нет, это не он. Ни один из них. Те уже в возрасте, а голос молодой. И незнакомый. О, еще один, еще! То ли двое их там, то ли трое... – на целую минуту они замолчали, прильнули к двери. Но как Рамон ни напрягал слух, ни слова не удалось разобрать.

– Что они там ворочают? – спросила Элино́р, когда раздался скрежет, а потом мощный глухой удар, как если бы пришельцы передвинули громоздкий и тяжелый предмет.

– Понятия не имею. От строителей в комнатах остался какой-то хлам: пустая бочка, банка краски, ржавый инструмент. Но я почти все полезное, что видел, перетащил сюда. Вот внизу, на подземном уровне много всего. Не знаю, что случилось, когда заморозили проект, но рабочие ушли отсю-

да поспешно.

– Как ты это понял, милый?

– Обычно ценные материалы вроде мотков кабеля, дизель-генераторов и мешков с цементом не бросают. А тут – поразительное расточительство. Того, что есть внизу, могло бы хватить на постройку еще одной высотки! Но нет. Побросали – и были таковы. Как будто вдруг им стало наплевать.

– Или что-то плохое случилось. И пришлось бежать, – сипло предположила Элинора.

– Вряд ли. Да и какая разница. Меня сейчас беспокоят те трое. Надеюсь, они скоро уберутся.

– А вдруг, нет? Как мы тогда? Не помыться, не... ну, ты понял.

– Не бойся. Я думаю, уйдут. Если моя догадка верна.

– Какая? – в голосе Элинора отчетливо проступила почти детская надежда. Знала бы она, как страшно ему самому! Ведь он мог и ошибиться насчет незнакомцев. И что тогда? Питьевой воды осталось на пару недель. И когда она закончится, им придется спуститься, чтобы набрать хотя бы водопроводной, даже если на первом этаже их будет ждать «теплый» прием.

За что ему все это?! Почему за считанные минуты оазис обернулся чуть ли не западней?

– Так что за догадка? – переспросила женщина, видя, что Рамон совершенно ушел в себя.

– Что? Ах, да. Эти люди... Я думаю, они из собирателей.

– Кого?

– Собирателей. Есть такое неформальное... э-э-э... движение, назовем их так. Они рыщут по всяким заброшенным местам, где можно чем-то поживиться: склады, ангары, закрытые заводы. Собирают... не знаю точно, но могу предположить, что металл, детали от всяких аппаратов, провода и прочий хлам.

– В таком случае, они осмотрят здесь все, заберут, что им надо, и уйдут, правда? – эта мысль приободрила Элинора, она даже робко улыбнулась.

– Скорее всего. Так что будем ждать. Погоди-ка! Они поднимаются, – Рамон взял Элинора за руку и вместе они отошли от двери, спустились на нижнюю ступеньку. Звук шаркающих шагов приближался, затем ручка двери со скрипом повернулась, заставив обоих дернуться в испуге. Но верный замок спас от вторжения: дверь осталась закрытой.

– Я же сказал, – прогрохотал по ту сторону незнакомец. – Заперто. В этом поганом месте что ни дверь – то на замке. – Другой голос долетел снизу с ответной репликой, но слов было не разобрать. Задверный смешно ругнулся, словно собирая фразу из двух разных языков, а затем протопал обратно к своему компаньону в вестибюль.

Рамон выдохнул, а Элинора снова на цыпочках поднялась к двери и стала слушать.

– Они что-то возят по полу.

– Собирают добычу в кучу, осматривают и решают, что

унести, а что оставить.

Возня продолжалась около получаса, затем шаги и голоса стихли, оставив куда более привычную паре нетронутую тишину оазиса.

Рамон заставил себя проявить инициативу и осторожно спустился вниз, уровень за уровнем. Между первым и вторым он перегнулся через перила, вытянул шею и почувствовал, как сердце, еще полминуты назад бившееся в тревожных предчувствиях, отбило ликующий марш: ушли. И оставили груды хлама перед выходом из здания. Оно и понятно: рук не хватит, если собирать все подряд. Разборчивые какие!

Он прошел в душевую, боясь, что могли унести генератор, но нет. Слишком тяжелая ноша была бы, хотя и ценная. Сам Рамон на их месте его унес бы, предпочел всему остальному. Мужчина поспешил спуститься в подвал и закрыть дверь, ведущую в подземный уровень, – довольно хлипкую, ведь он сам ее взломал, когда искал убежище. Но все же спокойнее жить за задвинутым засовом.

Насыщенное тревогой утро прошло, и жизнь вернулась в прежнее русло, в котором не было места страху. Были только неторопливые Рамон, Элинора, скромный, но сытный обед, разговоры, объятия и незамысловатые планы по добыче счастья из недр повседневности.

Следующее утро, однако, преподнесло куда более неприятные сюрпризы, чем заглянувшие на час собиратели. Рамон варил суп из сухих смесей, когда Элинор вернулась после неизменных водных процедур. Она закрыла за собой дверь на ключ и поспешно сообщила:

– В подвале кто-то ломится в дверь. Теперь, наверное, уже выбили и поднялись на первый уровень.

– Опять они?! Какого черта им тут надо? Если только... – он скривился. – Все-таки, приперлись за генератором...

– А может, нет? – голос Элинор дрогнул.

– Нечего тут больше брать, кроме пары железяк у дверей. Точно утащат, сволочи!

– Как же мы тогда будем мыться? Ведь воду не нагреть без того котла, да?

– Как и раньше будем, не бойся. У меня еще один припасен, забыла? Только тогда мы останемся без света здесь. Но ничего не поделаешь.

– А, может, попробуем их прогнать? Не смотреть же, как они таскают наше добро! У нас его и так немного.

Рамон одарил ее негодующим взглядом:

– Ты же взрослая женщина, Элинор! Посмотри на меня! Я никогда в жизни ни с кем не дрался. А эти... они же подонки. У них и оружие какое-нибудь может быть. Меня порежут, а

тебя...

– Ты не преувеличиваешь? Мы просто спустимся, скажем, что это наше жилище и попросим уйти.

– Какое жилище? Они знают, что это нежилая территория, что никто не имеет права здесь находиться. С этой точки зрения у нас никаких прав нет, чтобы кого-то выгонять или распоряжаться здешним имуществом. А эти вообще закон, не боясь, нарушают. Хорошо, если не убьют!

– Рамон, я все-таки...

– Нет, Элинор, мы будем сидеть и ждать! – отрезал он с непривычной для себя твердостью.

Она пристально посмотрела на Рамона:

– Ясно. Ты так трусишь, что боишься и шаг сделать за дверь.

– Я не трус! Я... не люблю рисковать многим из-за ерунды. Пусть берут, что им надо, и уходят. Потом попробую достать все необходимое, чтобы поставить надежную дверь взамен выбитой.

Элинор поджала губы и более в тот день не заговаривала со своим мужчиной. Лишь убивала время, как и чем могла, да периодически подходила к двери послушать, что происходило внизу. Когда за окном стемнело, и скромную резиденцию беглецов заполнили желтоватые ореолы свечей, Рамон начал нервничать: десять часов минуло с момента прихода собирателей, но те все еще топали и переговаривались внизу. Хуже того: голосов и топота стало больше. Почему они так

задержались в почти пустом здании, которое можно осмотреть за полчаса?

Ответ лезвием полоснул по нервам.

– Элиноор! Скорее, надо подготовиться! – Рамон ворвался в спальню, перепугав дремавшую женщину. Она приподнялась на кровати и повернула к нему сонное, растерянное лицо.

– Что? Что такое?

– Почему они еще тут, а? Где еще не были в этом здании? – Элиноор продолжала, ничего не понимая, хмуро смотреть на него, и Рамон нетерпеливо мотнул головой в сторону выхода. – Ну, очевидно же! Они знают, что есть дверь на чердак. Запертая. Но теперь, когда их много, эти люди точно придут ее ломать. Как ту, в подвале. Может, надеются еще чем-нибудь тут поживиться, – ему было трудно сохранять самообладание: голос дрожал, челюсти будто окаменели вместе с губами, мешая нормальной артикуляции. Это была она – новая волна слабости, что отравляла ему жизнь с давних пор. Но ее напор нужно выдержать, потому что в такой опасности Рамон никогда не был.

По крайней мере, в этот раз он был не один.

К Элиноор постепенно приходило понимание, и выражение лица менялось:

– Они идут? Они смогут сломать нашу дверь?

– Не знаю, смогут или нет, но я уверен, что скоро поднимутся. Нам надо подготовиться, – мужчина судорожно сглот-

нул.

Филомена встала с постели, натянула босоножки.

– Что надо делать?

– Собирай все режущие и колющие предметы. А я забарикадирую дверь. Не хочу ни с кем драться, но если они сами к нам полезут – придется. Будем отбиваться, чем сможем.

– Рамон...

– Что еще нам остается?

За последующие десять минут у двери выросла хаотичная комбинация из дерева и металла – Рамон перетащил к ней всю мебель, какую можно было поднять в одиночку. Сняв насквозь мокрую от пота майку, он сел на нижнюю ступеньку и вздохнул:

– Долгая может выдаться ночь, – Элинор тем временем собрала в одну кучу потенциальное оружие: молоток, тесак для мяса, топорик... – А крышку деревянную зачем? – спросил недоуменно Рамон, когда подошел осмотреть амуницию.

– Ну... Можно как щит использовать, если все совсем плохо окажется.

Рамон не сдержал истеричного смешка, взяв крышку за большую ручку:

– А что, удобно. И топором не сразу пробьешь.

– Вот до чего мы дошли, – горько изрекла Элинор, обведя рукой баррикаду и орудия. – Хотели тихой, спокойной жизни, а теперь готовимся отбивать штурм.

– Кто же знал? Вдуматься только: я проделал такую рабо-

ту; мы забрались в самое безлюдное место в радиусе сотни километров, но нас и здесь достали! И все рискует стать еще хуже, чем было, из-за каких-то подонков, будь они прокляты! – Рамон сплюнул. Его лицо ожесточилось, и будь он в состоянии видеть себя со стороны, понял бы, почему эта перемена вызвала у Элинор заметную неприязнь.

Ночь подобралась вплотную, давила на веки, и усталость мало-помалу вытесняла нервозность. Головы Рамона и Элинор склонились в сладкой дрёме, потом – в крепком сне прямо на посту у баррикады.

Он проснулся первым. Нестерпимо ныла спина и затекла шея: стул оказался не очень удобной кроватью. Рядом в похожей позе сопела любимая, подперев голову рукой. Волосы закрывали ее красивое лицо, а локоть грозил вот-вот соскользнуть со спинки.

Оборонительное нагромождение не претерпело видимых изменений. А если б и претерпело, им предшествовал бы шум, какой сложно проспять. Рамон протер слезившиеся глаза, потянулся и посмотрел на часы: семь утра. С опостылевшей за последние дни осторожностью он приблизился к двери, точнее – к тому, что свалил перед ней накануне. Стало очевидно, что из-за баррикады звуки долетали хуже, а значит – можно не услышать происходящего на первом этаже. Впрочем, Рамон был уверен: гости никуда не делись. Мужчина не уловил, разговор ли то был, топот ног или далекий грохот металла, сбрасываемого в кучу, – вибрации, ощущав-

шиеся в воздухе, раздражали слуховые рецепторы.

– У-у-у-у... м-м-м-м-м..., – он не сразу понял, что мычание загнанного зверя рвалось из его собственной груди. Утробное, нездоровое. Той же природы, что и ненависть к людям, от которой Рамона буквально трясло. Куда ему идти, если он лишится этого места? Как жить, если Элино́р утра́тит всякое уважение и доверие к нему?

А она может... Сколько вытерпит использовать ведро в качестве отхожего места? А вдруг собиратели не уйдут до того, как кончится питьевая вода? Немногочисленные и уже не новые наряды скоро износятся, сможет ли он купить Элино́р новые на свою скромную зарплату помощника охранника? Ведь и эту работу ему только обещали. Рамон чувствовал, как рассеивается приятная дымка его воображаемой реальности и проступает оскал объективной. Черт возьми, это же так очевидно! Почему эти вопросы во всей своей масштабности пришли ему на ум спустя месяц? Вероятно, они и не давали Элино́р покоя в первые дни; из-за них она попыталась убежать, захватив лишь сумочку с документами и небольшую сумму денег. Тогда Рамон не придавал этому значения, а сейчас, еще раз прокручивая в памяти неудавшийся побег, вспоминал детали.

Нужно что-то предпринять. Он просто сойдет с ума, если Элино́р однажды пойдет по стопам Магды и станет кричать, обвинять, уничтожать остатки его достоинства взрывами истерики.

Высокие визгливые голоса, а также звонкие и писклявые, напоминающие крики чаек. Это что, женщины и дети?! Рамон не слышал, чтобы среди шакалов-собирателей была хоть одна женщина, про детей и говорить нечего. Значит, в пансион забрался кто-то еще.

Открывшийся только что факт, вкупе с осознанием хрупкости их с Элинор отношений толкал на риск.

– Ой! – рука Элинор все-таки сползла со стула, и женщина ударилась головой. – Рамон, что...? – она встрепенулась, стала дико озираться. – Который час? Они еще не пришли?

– Нет. Мы к ним сами пойдем.

– погоди, ты же сказал...

– Элинор, там не те, на кого я думал. У них женщины с детьми. Я теперь совсем ничего не понимаю. Но придется выйти и... попробовать разобраться, – он принялся разбирать грудку мебели и прочего хлама, чтобы открыть дверь.

– Спустимся вместе? – потирая ушиб, предложила Элинор. Она заметно повеселела, узнав, что наступает конец их самоизоляции – даже ради этого стоило осмелиться спуститься. Да и, если подумать, вряд ли при детях на них нападут, кем бы незнакомцы ни были. Это было бы в высшей степени странно, не по-человечески.

Разбирать, к удовольствию обоих, было легче, чем соорудить, так что спустя четверть часа Рамон открыл замок и легонько толкнул дверь. Многоголосие разговоров сразу стало явным, ударило по ушам столь резко, что он на пару секунд

замер. Сколько там народу? Десять человек, больше?

– Готов? – тихонько спросила Элинор и положила руку ему на плечо.

Мужчина напряженно кивнул. Еще шаг за дверь и...

– А-а-а-а! – закричал он, пойманный врасплох. Элинор в тон ему взвизгнула. – Какого...! Ты что творишь? – выпалил Рамон, чуть придя в себя.

На них напал всего лишь ребенок лет восьми-девяти. Смуглый, голый по пояс, он притаился за дверью, а теперь, весело подскакивая на месте, тыкал в сторону Рамона длинной палкой.

– Ты кто? – спросил мальчик. Глаза его блестели хитринкой.

– Я... Эй, я взрослый человек, почему ты ко мне обращаешься на «ты»?

Мальчик проигнорировал вопрос, зато поднял свое копьё еще выше, когда Рамон приблизился.

– Говори мне, кто такой, а то не пущу!

Ребенок действительно закрывал проход, и Рамон начал раздражаться из-за столь глупой преграды.

– Все, хватит. Уйди с дороги! – он попытался выхватить назойливую палку, но ребенок ловко увернулся и ткнул его в ногу чуть выше колена. – Ты что, с ума сошел, сволота маленькая?!

– Рамон, дай я! Ты не умеешь с детьми общаться, – сказала ему на ухо Элинор.

– Да он же ... Что мы с ним церемонимся?

– Мы не знаем, с кем он, забыл? Не надо раньше времени...

– Ладно, ладно, давай, – Рамон пропустил филомену вперед, едва подавляя жгучее желание одарить юного стража оплеухой.

Женщина наклонилась к ребенку, делая вид, что не замечает выпадов палкой:

– Дружок, как тебя зовут?

– А тебя как? А бородач – кто?

– Давай договоримся. Ты, поскольку мы все-таки взрослые и незнакомые люди, будешь к нам обращаться на «вы» и назовешь первым свое имя. А мы тогда ответим на вопросы, какие у тебя есть. Согласен на такой уговор?

Мальчик на секунду посерьезнел, задумался, затем...

– Ну-у-у, я..., – он неожиданно плюнул Элинор в лицо и бросился бежать, прыгая через ступеньку и звонко хохоча.

– Маленькое животное! – прорычал Рамон ему вслед. Погнаться бы и стукнуть хорошенько, но разве за таким угонишься. – Теперь-то я вспомнил, почему ненавижу детей!

Элинор, обескураженная, вытерла слезы рукой:

– В первый раз такое наблюдаю. Но он не виноват, это все воспитание. Посмотреть бы, кто его родители.

– Вот и посмотрим сейчас. Пойдем, – взявшись за руки, они спустились в вестибюль и замерли на предпоследней ступеньке.

Помещение внизу превратилось в подобие маленького лагеря для беженцев: стихийного, хаотичного. Вдоль двух смежных стен рядами лежали застеленные цветастыми тряпками матрасы. На них вразнобой расположились мужчины и женщины – человек семь-восемь. Все, как тот диковатый ребенок, – смуглые, с темными, жесткими волосами. Они разговаривали на смеси имперского и еще какого-то языка, ели и пили из покореженной посуды, давно отработавшей свое. Две женщины в углу разбирали ворох тряпья, похожего на грубо сшитую одежду. Третья кормила грудью ребенка. Еще несколько мужчин у противоположной стены собирали каркасы того, в чем Рамон узнал складные армейские кровати. В центре помещения громоздились в два-три яруса мешки, рюкзаки и чемоданы. В прогалах между всеми этими людьми и вещами носились взад-вперед несколько маленьких детей.

В таком безумном средоточии жизни двух робко стоявших на лестнице чужаков заметили не сразу. Сперва пробежавший мимо ребенок добавил возглас удивления в море шума, затем сидевшая на матрасе толстая и неухоженная женщина толкнула в бок соседку и кивнула на Рамона с Элино́р. Мужчины один за другим прекратили сборку кровати и уставились на них с непонятным Рамону выражением. Через полминуты все затихло. Взгляд каждого был направлен на них.

Рамон оказался будто пригвожденным к ступеньке, а Элино́р сжала его руку необычайно крепко. Лицевые мышцы

снова ему не повиновались, рот открыть не представлялось возможным. Он повернул голову к Элинор, как бы ища поддержки, помощи, но увидел в ее глазах то же бессилие и неуверенность. Благо, мучительную тишину прервал мужчина средних лет с густыми усами. Рубашка натянулась на его большом животе, и пуговицы грозили вот-вот отлететь – в целом, однако, он производил более приятное впечатление, чем большинство его соплеменников. Может, из-за открытого и умного взгляда, либо же потому, что имел более цивилизованный вид по сравнению с другими.

– Чистого воздуха да яркого солнца, дорогие! – сказал он спокойно и размеренно, оказавшись в двух шагах от пары.

– Я.. мы... Что ж, спасибо! Приветствуем и мы вас! – нашелся, наконец, Рамон, настороженно наблюдая за незнакомцем и подошедшими следом. Что за странное приветствие? Уж не смеются ли над ними, не готовят пакость, как тот ребенок...

– Кто же вы? – поинтересовался усатый с прежним спокойствием.

– А... вы кто? – реакция на встречный вопрос была не то что бы откровенно враждебной, но умеренно-негативной. Мужчины переглянулись, слегка насупив брови. Женщина в дальнем углу фыркнула и что-то сказала своей товарке. Главный – так про себя обозначил говорившего с ними человека Рамон – в лице не переменился, но заметил с укоризной:

– Так не положено, дорогие. Вы пришли к нам, а не мы

к вам. Кто гостей принимает, тот и спрашивает первым. Вы нам ответьте, тогда и мы уважим.

Рамон почувствовал прилив злости. Вот значит, как! Он нашел это место первым, устроил тут все, но появилась толпа голодранцев и в момент переворачивает ситуацию, будто они хозяева, а он – никто!

– Вы не правы! Мы живем здесь уже месяц, а вы – только пару дней, разве нет?

– Месяц? Как же мы вас до сих пор не видели? – спросил, прищурившись, худощавый человек, что стоял чуть поодаль. Резкий, отрывистый тон в сочетании с излучавшим агрессию лицом делали его противоположностью старейшины. – Где же вы прятались?

– Мы не прятались. Мы живем наверху, в надстройке.

– А-а-а, – протянул с пониманием другой мужчина и обратился к тому, что заговорил первым. – Да, Нурислан, мы поднялись два дня тому посмотреть, что там за дверью, но она была заперта.

– Мы закрылись изнутри, чтобы нас... Чтобы спокойней было. И не зря, как теперь вижу, – Рамон не мог не добавить обвинительной нотки в голос. Не будь пришельцев целая орава, он бы уже заорал на них, велел убраться. Но положение было таково, что оставалось только смотреть на собравшихся исподлобья, в бессильной злобе. Он даже забыл на минуту, что Элинор все еще стоит рядом – вероятно, из-за того, что женщина не проронила ни звука.

– Ну, хорошо. Вы живете, теперь и мы живем. Места ничьи, а значит – общие. Давайте же жить, как добрые соседи, – изрек Нурислан.

– А вы... надолго тут? – осведомился Рамон, страшась услышать утвердительный ответ.

Женщины, мужчины, дети – почти все засмеялись.

– Что смешного? – недоуменно спросила Элинор, но так тихо, что не услышал никто, кроме ее мужчины.

– Как судьба-звезда закрутит, так и будет, дорогие. Может, на месяц, а может – на год.

– Почему именно это место? – не унимался Рамон. – Тут ничего нет для жизни.

– Сами-то чего тогда..., – буркнул кто-то за спинами мужчин.

– А ну, хватит вопросы швырять! Вы только гости, а уважения не проявляете!

– Ладно, Николай, спокойно, – Нурислан поднял ладонь и призвал толпу к спокойствию. – Однако мой зять вернулся к тому, с чего я начал. Дорогие гости, прошу уважать наши обычаи. Давайте познакомимся, а там и все вопросы обсудим, какие у вас есть. Не надо суеты и враждебности. Так кто же вы?

Рамона распирало от злости и желания кинуть нечто тяжелое или острое в каждого из тех смуглых, что тарасились на него, как на диковинного зверька, непонятно зачем вышедшего из чащобы на чужую территорию. Еще толком не зная, кто они, откуда и зачем пришли, Рамон ненавидел их всей душой. Право, того факта, что они рушили его крохотный и донельзя простой мирок своим бесцеремонным существованием в непосредственной близости, было более чем достаточно и для ненависти, и для проклятья.

– Я не... – начал он, но Элинор вдруг подала голос. Быть может, оттого, что она долго молчала, нервничая перед толпой с неясными намерениями и наклонностями, ее слова прорезали относительную тишину помещения звонким эхом.

– Элинор и Рамон. Нас зовут Элинор и Рамон. Мы пришли из города.

– Славно! С умной женщиной говорю, – наклонив голову, похвалил Нурислан. – А что привело вас в эти безлюдные

края?

– Поиски новой жизни вдали от суеты, толпы, – желчно, сквозь зубы процедил Рамон. Элинор послала ему короткий предостерегающий взгляд.

– Что ж, Элинор и Рамон, мы рады обрести в вас соседей и не осудим, хоть бы вы были богатеи, хоть нищие, хоть беглые преступники. Хотеть воли – это право каждого человека в мире. Мы – древний народ, который и сам им пользуется, и за другими признает. Добро пожаловать в лагерь вольноходцев!

Несколько человек что-то прокричали на незнакомом языке; две женщины потянули Рамона и Элинор за руки, стащили с лестницы, параллельно напевая незнакомую мелодию. Им кинули матрас неподалеку, усадили, а Нурислан, покряхтывая, устроился на точно таком же матрасе напротив. Также к нему подседа носатая старуха со струящимися до пояса седыми, но густыми волосами. Все прочие вернулись к своей бурной деятельности или безделью – смотря, кто чем был занят до прихода гостей.

Рамона кольнула новая игла злости, когда среди суетливых ног вольноходцев он заметил хитрую мордочку стража лестницы:

– Эй, ты, а ну, иди сюда!

– Кому это ты, дорогой, кричишь? – осведомился Нурислан и проследил за взглядом Рамона. Мальчик исчез.

– Бегает тут у вас один ребенок. Его надо наказать. Я его

только что видел.

– А что ж он сделал тебе и твоей жене?

– Я не жена, – поправила Элинон и покраснела.

Рамон кивнул в подтверждение. Жены хватило и одной. Им хорошо вместе без официальных процедур и бумаг.

– Да? Тогда брат и сестра?

– Нет. Мы вместе, но... не в браке.

– Брак – не брак! Это все ваши городские пустяки, – весело проскрипела старуха. – Если любовь, если вместе, то муж и жена. У нас так. И спрашивать не будем никого. Мы вообще все одна семья. Вон, видите того, без рубахи? Это моего Нурислана зять. Николай – тоже его зять. И бородач у дверей, Альберт, – зять. У него все в зятях тут, ха!

– Это как? – хлопая глазами, спросила Элинон. – У него так много дочерей?

Старуха засмеялась, обнажив темноту беззубого рта:

– Две. А зятьев – девять. Смекаешь, красавица моя?

– Ох.., – только и нашлась, что сказать Элинон. Рамон тряхнул головой в неверии. Про многоженство он слышал, но чтобы наоборот...

– Да, у нас любить не запрещено, – подтвердил Нурислан.

– Потому и дети общие. Мать одна, а отцы – все. А как же тут поймешь, кто ему отец, если с матерью бывают по трое на неделе? – добавила старуха. Рамона передернуло. Интересно, сколько мужчин было у нее до того, как стала непригодной для употребления?

– А половина моих зятьев – еще и мои племянники, – добавил Нурислан. – Потому и говорю: мы одна большая семья. Понимаю, для вас, людей под государством, наша жизнь может показаться неправильной. Для нас вот ваша – еще какая неправильная, но что с того? Никто никому не мешает и живет по-своему.

Подошла беременная девушка и сунула гостям в руки по деревянной миске с горячей похлебкой.

– Крапивный суп, – пояснил Нурислан и принял из рук девушки такую же миску. – Еда простая, но вкусная. А вечером будет мясо.

Элинор с виноватым видом поковыряла ложкой куски овощей, а потом начала понемногу есть, прислушиваясь к ощущениям. На удивление, было вкусно. Рамон же сразу поставил миску на пол.

– Спасибо за угощение, но мы только поели. У нас там своя кухня и своя еда.

Женщина перестала жевать, покосилась на него, затем в легком смущении последовала примеру.

– Очень вкусно, но... мы не голодны.

– Ну, дело ваше, дорогие, – и мужчина, и старуха принялись уплетать свой суп с завидной скоростью, шумно прихлебывая. А Рамон снова заметил на другом конце вестибюля мальчишку. Он встал и по возможности тихо подошел к нему со спины, схватил за плечо.

– Эй, ну что, поговорим о твоём поведении? – мальчик

попытался вывернуться, но не преуспел в этом деле, и стал молотить Рамона своими кулачками везде, куда дотягивался, вдобавок завопив так, что у мужчины зазвенело в ушах. – Не ори, я только хочу... – он не закончил предложение, потому что кто-то заехал ему в висок.

Поднялся злой лай и визг, шарканье шагов.

– Рамон!

Он обнаружил себя лежащим на полу. Темные пятна перед глазами понемногу рассеялись. Удар был неслабым.

– Вставай, шакал! Хорошо получил? – прорычал кто-то над ним. А неподалеку женщина, смеясь, что-то прошипела на своем языке.

– Эй, вы что, с ума посходили? Оставьте его в покое! – Рамон узнал испуганный голос Элинор, несмотря на резкие, нетипично высокие для нее ноты.

Рамон поднялся на ноги, но злость и решимость врезать любому, кто бы ни стоял перед ним, рассыпались в труху: его обступили несколько вольноходцев с поразительно звериным выражением на лицах. Видимо, все они считались папашами того ребенка.

– Какого черта? Что за бурная реакция? Я всего лишь пытался сделать замечание вашему...

– Заткнись, пока зубы не выбил тебе! – гаркнул один. – Только тронь еще кого – порежу!

Между Рамоном и «отцами» вдруг возник Нурислан.

– Всё, всё, спокойно! Что за драка, зятя? Что он сделал?

– Схватил Ахмеда! Привязался к малому просто так!

Рамон возмутился:

– Ничего я не привязался! Этот ваш Ахмед вел себя безобразно со мной и моей женщиной!

– Он плюнул в меня, – подключилась Элиноор. – И все время нам «ты» вместо «вы»...

– Я только хотел попросить, чтобы он извинился, и чтобы вы его наказали, – примирительно ответил Рамон, с трудом заставляя себя держаться.

Мужики опять загалдели и зарычали.

– Надо было сказать мне всё, дорогой. Никому нельзя трогать наших детей и женщин кроме своих. Ты сделал глупость, – Нурислан уже не выглядел добродушным и дружелюбным, но – прохладно-жестким.

– Я пытался вам сказать...

– Чем ты его обидела, что он в тебя плюнул? – не слушая Рамона, вожак повернулся к Элиноор.

– Обидела? Она ничем не могла его обидеть! Он сам к нам пристал со своей дурацкой палкой, – злость опять закипела в мужчине.

– Э нет! Так не бывает! – беглецы оглянулись на источник звука: к ним ковыляла, сгорбившись, все та же старуха. – Что вы ему сказали? Или не сказали?

– Ничего.

Старуха ухмыльнулась, буравя обоих ехидным взглядом. Рамон начал смутно догадываться, о чем могла идти речь.

– Он спросил, кто вы такие, да? А вы, как и нам, не хотели говорить. Чего тогда удивляетесь? Наши дети еще от сиськи не оторвались, а уже живут по традициям. Вы сами виноваты.

Мужчины и женщины одобрительно загоготали.

– Мы?! Виноваты? – окончательно теряя самообладание, взревел Рамон. – По-вашему, нормально плевать в лицо незнакомому человеку, кем бы он ни был?

Нурислан покачал головой:

– Мы учим детей уважать взрослых. И гостей, которые ведут себя прилично.

– А мы, что? Не взрослые?

Снова над ними стали смеяться; один из мужчин передразнил Рамона, сымитировал его возмущенный, нервный тон.

– Вы для Ахмета в ту минуту были просто чужаки, а не гости или взрослые, да! Мы не наказываем детей за пакости чужакам. Все, не о чем тут говорить! – отрезал Николай.

У Рамона было подозрение, что именно этот агрессивный папаша его ударил. Но что делать? Только возвращаться наверх и постараться избегать дальнейших контактов с неотесанным племенем.

– Вот так, значит? Да черт с вами и вашим Ахметом! Пошли, Элинор, пока нас гостеприимные соседи не забили палками еще за что-то.

– Ай, правда, так будет лучше для вас, дорогие. Хотя мне

жалко, что вы пошли по дурному пути. Надо бы жить мирно, – кинул им вслед Нурислан под хохот и насмешливые возгласы беспорядочной семьи.

* * *

– Сволочи, отребье! – рычал Рамон. – Пригласили супчика похлебать, поговорить о жизни. Теперь понятно, зачем! И тем более понятно, чего они смеялись. Нашли двух лопухов, – Элинор озадаченно терла рукой висок и смотрела, как ее любимый кидается из одного закутка в другой, оценивая масштаб неприятности.

– Что-то еще, кроме радио, взяли?

Рамон фыркнул:

– Еще бы они упустили такую возможность! Ложки-вилки, большую часть инструментов, один из твоих чемоданов. Какой я идиот! Почему, почему я не закрыл дверь? – он запустил пальцы в едва отросшие за месяц волосы и хорошенько дернул.

– Ох, кто ж знал-то! – ответила Элинор, однако более весомые слова утешения не находились.

Рамон, и правда, сделал глупость. Зря он так резко повел себя с пацаном, обострил ситуацию. И теперь особенно остро обозначилась проблема удовлетворения элементарных потребностей: вольноходцы заняли весь первый этаж – душ с туалетом тоже оказались в зоне их обитания. Как глупо все

складывалось для Элинор, даже абсурдно! И она спрашивала себя: было ли впереди нечто такое, ради чего стоило принимать тяготы настоящего, терпеть и ждать, не имея ни четкого плана, ни идей.

– Рамон, не надо. Взяли – и пусть, – предостерегла Элинор: мужчина, чтобы обличить в краже новоиспеченных соседей, уже двинулся к выходу и преодолел несколько ступенек.

– Ты что? Взяли – и пусть? А завтра они придут и утащат тебя. Мне и это стерпеть?

Филомену задели его слова.

– Меня утащат? Как ножи и ложки? Ты давно меня в один ряд с вещами поставил? – холодно спросила она и скрестила руки на груди.

Рамон понял, что сморозил глупость.

– Любимая, я не это имел в виду. Я хотел только сказать, что нельзя позволять им...

– Я поняла, что ты хотел сказать. Послушай теперь меня. Если ты сейчас пойдешь к ним, то сделаешь только хуже. Уж прости, но дипломат из тебя плохой, в этом мы убедились. С другой стороны, силой ты тоже ничего не добьешься, не из тех ты мужчин. Да, Рамон, не смотри так, сам знаешь, что я права.

Рамон нахмурился:

– Вопрос не в том, из того я типа мужчин или нет. Просто я один, а их много.

– Видишь, ты сам и пояснил, почему не стоит к ним сейчас идти и чего-то требовать.

Мужчина раздраженно цокнул, но, признавая поражение, спустился обратно.

– И что тогда нам делать?

Элинор на минуту задумалась, прикидывая, нужен ей Рамон в ее деле или нет. В итоге пришла к пониманию, что толку от него немного – еще разрушит шаткий мир с вольноходцами своими неосторожными словами.

– Вот что. Я пойду вниз как бы помыться. А на самом деле разведу обстановку.

– Я с тобой!

– Нет, ты подождешь меня здесь, – твердо заявила женщина.

– Не глупи, любимая! Я не пущу тебя одну в логово этих животных!

Элинор прикрыла глаза и покачала головой. Хотелось бы ей чувствовать себя под защитой, быть недосягаемой для смуглых людей, что так странно на нее смотрели. Но что сделает ее нервный избранник, если сразу пятеро или шестеро нападут на них? Ничего не сделает: они его впечатают в стену, и следом примутся за нее. Единственное, на что она надеялась – так это на относительное здравомыслие и человечность их старейшины. Был еще шанс, что закрытость общины делала недопустимыми контакты их мужчин с чужими женщинами. Последняя мысль прибодрила.

– Оставайся здесь, Рамон. Это не обсуждается! Не хватало еще, чтобы из-за тебя нас вообще от воды отрезали. Тогда нам здесь конец.

Рамона, вероятно, уязвило, что женщина перехватила инициативу и стала отдавать распоряжения. Однако довод Элинора касательно водопровода подействовал на него должным образом, и он выразил скупым жестом свое согласие.

Будто беспокойные пауки, звуки карабкались по стенам мимо Элинора, пока она спускалась в их логово. Пение, смех, возгласы, детский плач, стук дерева и звон посуды; а в довершение композиции – пестрый клубок из знакомых и незнакомых слов. Даже для городской женщины было непостижимо, как можно прожить хоть месяц в такой суматохе и не свихнуться. Все находилось в непрерывном движении. Один смуглый сел и затих – значит, другой обязательно встанет и начнет совершать непонятные действия. При подобном уровне всеобщей активности наверняка возникала непролазная грязь и в умах, и в телах; продолжались скитания, которые вольноходцы звали свободой. Впрочем, далеко ли сами беглецы от них отошли?

Тихо и быстро Элинора сошла вниз, чуть ли не боком по стене пройдя туда, где в конце небольшого коридора располагалась туалетная комната и сооруженный Рамоном душ. Шумела вода, гудели голоса. Элинора приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы увидеть мельком: водными процедурами вовсю наслаждались две женщины и девочка-подросток,

а рядом с ними, уже закончив, вытирались ужасающе грязным полотенцем нагие мужчины.

Элинор поспешила закрыть дверь, но сделать это бесшумно не получилось. Лицо горело от смущения. Ее успели заметить – через пару секунд одна из женщин во всей естественной красе выглянула, нашла филомену взглядом и кивком пригласила:

– Ай, что стоишь, заходи, мойся.

– Нет, нет, спасибо. Я после вас. Там... тесно.

– Ну, как хочешь, дорогая! – хохотнула вольноходица и исчезла.

Элинор пришлось мучительно долго стоять в ожидании, пока все пятеро вышли, скользя по ней не очень приятными взглядами, особенно мужчины. Уже под конец своего караула женщина задумалась: не повлиял ли на ее рассудок скудный рацион? Вроде бы пахло свежеиспеченным хлебом и тушеным мясом... Но откуда? Помутнение, не иначе. Чего удивляться, если самое вкусное, что было съедено за последнюю неделю, а то и две – это несколько ложек похлебки от вольноходцев.

Едва последний купальщик покинул поле зрения, женщина шмыгнула в туалетную комнату. Особый дискомфорт принесло осознание, что дверь не запиралась изнутри. Осталось только спешить и верить, что в ближайшие пять минут никому не приспичит помыться. Вода, как назло, лилась то слишком холодная, то близкая к кипятку: вольноходцы,

похоже, что-то сломали. Вздрагивая, Элино́р заставляла себя стоять под струей локализованного в помещении дождя, возможно, при иных обстоятельствах сумев найти в этом романтику.

В соседней кабинке кто-то кашлянул, и женщина подскочила до потолка. Кашель бесцеремонно напомнил ей, что рядом с самодельным душем – за тонкими полосами дерева – стояли унита́зы, два из которых все еще находились в рабочем состоянии.

Смыли воду, следом зашуршали одеждой. Мимо прошел очередной смуглый, несколько не беспокоясь о том, что мог причинить кому-то неудобство. Элино́р прикрыла руками все, что могла, вытаращив на него испуганные глаза, но мужчина, даже не взглянув в ее сторону, спокойно покинул туалетную комнату.

– Вот же! ... Как это вообще? – спросила Элино́р вслух, слыша в собственном голосе истерические нотки.

Полотенца не было на привычном месте; внимательно изучив валяющуюся на полу тряпку, она ужаснулась: это оно и было, едва узнаваемое после того, как им вытерлось неизвестное количество людей, не очень чистоплотных и не признающих чужие права собственности. Чувство омерзения оказалось сильнее желания вытереться. Постояв пару минут, чтобы вода максимально стекла, и напряжённо слушая шаги в вестибюле, Элино́р оделась. Очевидно, что с водой все не очень хорошо, но могло быть и хуже. По крайней мере – ее

сюда пускали. Оставался нерешенным вопрос их с Рамоном вещей.

– Извините за беспокойство. Я только хотела спросить, не найдется ли у вас лишних вилок-ложек, да посуды какой-нибудь ненужной? А то мы всю свою растеряли, – тон Элинора был очень мягок, потому что Нурислан уже предавался послеобеденному сну, когда она нашла его. – По-соседски, – она сдержанно, осторожно улыбнулась.

Старейшина, подложив руку под голову, ее дослушал и тоже улыбнулся:

– Ничего, дорогая, сейчас мы тебе что-нибудь найдем. Эй, Михаэла, дай красавице посуды, какая не нужна. Чтоб на двоих им хватило.

Через минуту прибежала немолодая женщина и улыбнулась ртом, полным кривых, желтых зубов.

– На, забирай! – она протянула Элинора деревянную миску, похожую на те, в которых им утром предложили суп, небольшую мелкую тарелку со сколотыми краями, деревянную ложку, вилку без средних зубчиков, слегка погнутый нож для мяса и большую разделочную доску – единственный предмет в хорошем состоянии.

Элинора хотела уже поблагодарить, но вдруг спохватилась:

– А нет ли какой-нибудь, хоть самой маленькой, кастрюли? И сковородки?

– Э, дорогая, с этим сложнее, – покачал головой Нурислан, все в том же лежачем положении. – Вон, видишь, в

проходе горка лома? Найдешь что – забирай, и пользуйтесь, сколько нужно. Мы соседи хорошие.

– Спасибо большое, – выдавила Элино́р.

Копаться в старом хламе на глазах у этих людей было довольно унижительно, но Элино́р утешала себя тем, что они с Рамоном не останутся совсем без утвари. Ей удалось раскопать сковородку: покрытую слоем копоти и жира, без ручки, но и такая сойдет. Также ей приглянулась алюминиевая кружка с небольшой вмятиной на боку. Кастрюли не нашлось – что ж, суп можно попробовать сварить и в чайнике. Вопрос лишь в том – как долго предстоит жить с подобными осложнениями.

– И это – посуда? – ужаснулся Рамон, когда разглядел принесенную его женщиной добычу. – Они, скорее всего, по помойкам это собирали. Вот, глянь на это подобие вилки! – скривившись, он со звоном швырнул прибор обратно в кучу.

– Да, это не равноценная замена украденному, но смог бы ты достать хоть такое на моем месте? – пошла Элино́р в контратаку. – Радуйся, что нам вообще есть, из чего поужинать! Вопрос только – чем ужинать, – она вперила в Рамона усталый взгляд, одновременно не желая ругаться, задевать его чувства, и пытаясь показать, что не только из-за вольноходцев ее не устраивала сложившаяся ситуация.

Мужчина, хмурясь, продолжал изучать уродливую посуду, словно показывая, что кроме этой проблемы его в данный момент ничего не занимает. О, конечно же, он все видел, все

понимал. Просто не знал, что делать и не хотел признавать это. Разве что, Элинор бы ему подсказала...

– Когда ты последний раз разговаривал с охранником?

Он вскинул брови в удивлении.

– Что? С охранником? Да уж больше недели. Он сказал, чтобы я подошел через пару недель. Как раз на днях его напарник должен уйти на пенсию...

– Может, стоит попробовать уже завтра? Сходи, поговори еще раз. Мы бы могли разом решить оба вопроса: и с едой, и с соседями.

– Как с соседями решить вопрос? – растерянно спросил Рамон.

– Выжить их отсюда, конечно! Мы не можем хоть какой-то адекватный быт наладить, пока они здесь, не так ли? Ни помыться, ни поесть, постоянно в страхе, что нас обчистят...

– Конечно, я хочу, чтоб они убралась. Но как их..., – он помолчал с полминуты, затем поднял глаза на Элинор: – Стой, ты имеешь в виду, натравить на них охрану?

– Ну, конечно. Иначе как? Даром убеждения? Силой? – она покачала головой, выражая сомнение в собственных предположениях. – Ты сможешь это сделать?

– Хм... Да, надо попробовать. Не знаю, почему я сам об этом не подумал.

Наличие плана и замаячившая перспектива избавления от двух отравляющих обстоятельств скрасили им вечер. Даже опостылевшее вяленое мясо было съедено с большим аппе-

титом. А когда оба сделали вылазку вниз, чтобы наполнить ведра водой, Рамон держался с вольноходцами торжествующе приветливо.

– Недолго этим грязным существам здесь тереться, – злобно шепнул он на ухо Элинор, предвкушая скорую расправу.

Ощущение пойманной за хвост удачи захватило их ко времени, когда легли в постель. Рамон возбужденно разглагольствовал о том, что и как сделает после того, как все разрешится, Элинор оставалась более сдержанной, но ему верила. Не могла иначе и не хотела: все внутри противилось дальнейшему погружению в отчаяние и разочарование.

* * *

Из сладкого омута снов Рамона выдернул скрежет, способный раскроить череп.

– Какого..., – повернув голову, он увидел, что любимая тоже не спала, но закрыла ладонями уши и морщилась, словно от приступа зубной боли.

– Да они вконец озверели! – севшим за ночь голосом проворкотал Рамон, когда шум ненадолго прекратился.

– Что это может быть? – спросила, рискуя отнять руки от ушей, Элинор.

– Звук – как будто металл режут.

– И запах еды. Значит, мне вчера не показалось...

Рамон втянул носом воздух.

– В самом деле. Хлеб.

– Вчера, когда я пошла мыться, так же пахло. Как они его пекут? Это вообще возможно в здешних условиях?

– Может, у кого-то еще электропечь сперли. Генератор же есть. А может, дровяную сложили, натаскав кирпичей, – он усмехнулся этой нелепой мысли, но в груди засело странное чувство между тревогой и ревностью, будто он пропустил что-то важное, потому что его никто не пригласил, не поделился с ним.

– А топить-то чем будут?

– Понятия не имею, любимая.

– Нам бы так...

– Устроюсь на работу – куплю нам печку, если хочешь. Будет и у нас свой хлеб. Мы даже..., – конец предложения потонул в скрежете. За ним последовал лязг, стук и ликующие крики: сначала мужские, после – женские.

– Чему они так радуются? – шепотом спросила Элинон.

– Без понятия. Но мне это не нравится. То, что хорошо для них, скорее всего, плохо для нас. Я спущусь, вынесу мусор и попробую выяснить, в чем дело.

– Давай. Только осторожно, ладно?

– Конечно-конечно. Я помню про план, – он подмигнул Элинон и встал с кровати, чтобы одеться.

Смуглые все гремели и гремели, но скрежет прекратился. С замиранием сердца – уже в который раз – Рамон шел по

этой лестнице вниз. На последних ступеньках, как и сутками ранее, он остолбенел от увиденного. В вестибюле никогда не было столько света. Его поток прорвался с улицы через разблокированный парадный вход, сорванные с петель двери и покореженные замки лежали тут же. На них топтались веселые вольноходцы, вооруженные ломami и другими инструментами. Пол был усыпан щепками и металлической стружкой.

– А, сосед дорогой! – добродушно крикнул Нурислан. Он подошел, вытирая со лба пот, с прекрасно знакомым Рамону молотком в руках. Его молотком.

– Видал, чего? Теперь весь простор наш, ага!

– П-простор? – глупо открыв рот, переспросил Рамон.

– Красота, да, – сказал старейшина, обернувшись к своим.

Те ответили возгласами одобрения.

– А разве вы не в курсе..., – начал было Рамон и замолчал: он чуть не предупредил вольноходцев о наличии охраны. Очевидно, что Эдуард не мог не услышать пронзительный звук болгарки, а значит – уже спешил на место. Сам он незваных гостей не выгонит, но побежит вызывать полицию. Тогда-то и уберутся, как милые. Но Рамона и Элинора охранник не должен здесь обнаружить, иначе все будет напрасно! Нужно возвращаться наверх, затаиться и переждать процесс очищения оазиса от ненавистных паразитов.

Он еле удержался от злорадной ухмылки, глядя на ничего не подозревавшего Нурислана. Ничего, пусть, пусть по-

радуется еще минуту это наглое жирное создание. Жаль, не удастся увидеть, как улыбка сползет с этих гнусных рож; не выйдет насладиться тем, как они в спешке будут собирать и уносить пожитки, бормоча проклятья на своем уродливом языке.

– В курсе чего, дорогой?

– А-а-а... Ну, я имел в виду, что здесь все не достроено, так что мало толку. Погулять разве что по площади, – он фальшиво хохотнул и пожал плечами.

– Не беда, – бодро отмахнулся Нурислан. – Надо уметь искать. Тут такое можно найти, что всем нам хватит жить хорошо и долго!

– Ну да, да... Ладно, удачи, я пошел, – Рамон взлетел обратно по лестнице, давась смехом и радуясь, как давно не радовался. Закрыл за собой дверь, дернул ручку, проверив надежность замка.

– Ты чего такой шальной? А мусор зачем назад принес?

– Какой мусор, Элинор, какой мусор! – Он вспомнил про пакет в руке, швырнул его в сторону и, подбежав к ней, оторвал от земли и закружил.

Она пискнула в легком испуге:

– Ой, что... Рамон, у тебя крыша поехала? Опустни меня.

– Милая, им конец, всё! Ха!

Рассказ о случившемся был короток. Последовали сладкие минуты ожидания, пока пара стояла в обнимку перед дверью. Привычно осторожное, едва слышное дыхание, что-

бы не пропустить ничего.

Время шло, но ничего не указывало на желаемую развязку. Все так же вольноходцы разговаривали, топали, гремели посудой. Из приятного ожидание становилось утомительным.

– Я присяду, ладно? – сказала Элинор и пошла за табуреткой.

Рамон же упрямо остался стоять. Он бы предал собственное предвкушение, если бы оставил пост. Нет! Вот-вот, еще чуть-чуть... Быть может, Эдуард решил не идти сюда через половину сектора, а услышал шум и голоса издалека и со своего поста вызвал полицию? Данная догадка мужчину немного развеселила, и он принялся слушать и ждать с прежним упоением.

– Рамон, уже час прошел. Ты уверен, что...

– Да, – заявил он, хотя про себя признал, что Элинор имела основания сомневаться. Почему так долго? Полиция бы уже приехала. Разве что охранник по какой-то причине решил повременить. Но с какой целью? Почему тогда сам не явился? Струсил, поняв, как много народу предстояло прогнать – даром, что это не просто забредшие в Периферик ради острых ощущений подростки. Бродя по лабиринтам рассуждений, зачастую, тупиковых или абсолютно рваных, хаотичных, Рамон присел на корточки и ждал, ждал, пока не затекли ноги и не заболела поясница.

– Может, спуститься еще раз? – предложила, подавив зе-

вок, Элинор.

– Нельзя. Заметит Эдуард – полетим вслед за этим сбро- дом.

– Он что-то не торопится. Может, выходной взял или за- болел?

– Не знаю. Попробую выяснить.

Рамон выбрался на крышу, но толку от этого было немно- го: центральная башня заслоняла вид на противоположный конец сектора и, соответственно, пост охраны; так что по- нять, на месте ли Эдуард, не представлялось возможным. Он подошел к краю и посмотрел вниз. Примерно половина воль- ноходцев высыпала на улицу. Костер, который они развели прямо посреди двора, радостно трещал, пожирая входные двери и еще какой-то хлам. Беспробудно черные клубы дыма взвились в небо, когда высокий и тощий паренек подбросил в огонь нечто, похожее на кусок рубероида. Нурислан и мо- лодые мужчины мастерили неподалеку скамейки и длинный стол. Женщины и старики, устроившись вокруг костра на тряпках и картонках, во всю силу своих глоток затянули за- унывную песню на все том же чудном диалекте; им на мини- атурном струнном инструменте аккомпанировал Николай. Сквозь полотно действия грохочущей пулей прорвались дети: двое сидели в ржавой тачке, а еще двое ее тянули. Все сме- ялись и кричали до хрипоты.

– Эгей! – крикнул заметивший наблюдателя смуглый и по- махал рукой с ухмылкой.

– Вот наглецы! – сокрушался Рамон, смотря то в один конец двора, то в другой, не понимая, почему до сих пор никто не появился и не прекратил запретный разгул свободы.

Неслышно подошла Элинор.

– Ну что?

– Как видишь, – Рамон указал рукой вниз.

– Ерунда какая-то. Что же делать?

– Я пойду туда.

– Куда? – женщина всерьез испугалась, что любимый собирается напасть на вольноходцев.

– К охраннику. Выясню, в чем дело, на месте ли он. Если нет – проберусь в его домик и сам вызову полицию. Попробую подойти осторожно, через сектор. Нет сейчас времени лезть через коллектор в Леонард и стучаться в ворота с той стороны. Пусть даже есть риск быть обнаруженным. Я не могу слышать и видеть этих идиотов, Элинор. Из-за них все идет прахом! Они должны исчезнуть отсюда сегодня же!

Элинор не стала спорить, но и согласия не выразила. Выражение ее лица сбивало столку, будто жалость, надежда и недоверие боролись друг с другом, отвоевывая себе побольше мимических полномочий.

– Я быстро, – заверил Рамон, чмокнул ее в щеку и поспешил вниз. Велико было желание оглянуться, но мужчина побоялся еще раз увидеть угнетавшую и пугавшую одновременно смесь эмоций в дорогих глазах.

Не обращая внимания на все, что творилось в вестибю-

ле и снаружи, проигнорировав пару попыток его окликнуть, Рамон миновал внешний двор, перешел с быстрого шага на бег и устремился к башне. Впервые он выбрался, впервые не смотрел на эту плитку с крыши, но топтал ее ногами. В первый раз мог прикоснуться к цилиндрической махине, стоя именно там, где росла она из земли. Но в данный момент насладиться чувством выхода за привычные рамки Рамон не мог. Его внутренний компас был приведен в действие паникой, ненавистью, отчаянием и указывал прямо туда, где за простором площади, на границе обжитого и неудавшегося, стоял пост-контейнер Эдуарда.

Скопления высоток, левое и правое крылья сектора проплывали мимо медленно, но настолько буднично, просто, как если бы это был какой-нибудь невзрачный квартал в Верхнем Леонарде, а не элементы пробуждавшей трепет красоты – печальной, но величественной. Он обязательно, обязательно еще посмотрит на нее должным взглядом, уделит внимание сполна. Она стояла для Рамона и Элинор, ею нельзя было делиться с кем-то. Это же царство умиротворения и уединения, а не лагерь для беженцев или источник металлолома. Это – оазис, и он не позволит кому-либо выдавить их двоих обратно в безразличную к страданиям пустыню.

Пустота встретила Рамона у главных ворот, и будто главная башня рухнула на него, похоронив под собой чаяния и надежды. Справа от створок, где прежде располагался пост и небольшая бытовка, а также микролитражный автомобиль

под навесом, лишь квадрат голой земли в окружении травы напоминал теперь, где стоял контейнер. Рамон с бешено колотящимся сердцем предположил, что пост могли перенести за стену, расположить по другую сторону ворот. Но нет, какой в этом смысл... Тем не менее, мужчина подошел к решетчатым воротам, чтобы убедиться своими глазами. Да. Хоть угол обзора и был скудный, стало совершенно очевидным, что на прилегающей территории – ни души, никаких построек. Только потрескавшийся асфальт и эстакада над никому не нужной автомагистралью.

– Эдуард! Эдуард! – завопил Рамон, не в силах сдержать приступ яростной обиды на охранника, который обещал ему работу и который мог избавить его от нежелательных соседей, но вдруг покинул место без предупреждения. В тот самый момент, когда положение и без того сложилось удручающее!

Стоп! А вдруг... Имелся еще северный въезд. Глупо надеяться, но все же... И Рамон помчался поперек электротропуаров, перемахнув через одно ограждение, второе; то ныряя в вытянутую тень высоток, то являя себя слепящему оку солнца. Вон они, ворота. Не было смысла и дальше давиться самообманом, но он упрямо бежал, пока с грохотом и звоном не влетел в металлическую решетку.

– Почему сейчас? Что случилось? Почему сейчас? – повторял мужчина, сотрясаясь в приступе ядовитого горя. – Что делать, что делать...

Обратно он не бежал. Сказать, что шел – тоже преувеличение. Скорее, волочил ноги, как путник после целого дня скитаний в пустыне. Чем больше он думал о будущем, тем сильнее приходилось вымучивать следующий шаг. Он думал об Элиноре, о том, как она, возможно, продолжит превращаться во вторую Магду и возненавидит его. О, эта Магда будет хуже оригинала. Та была глупа, а Элинора – нет. Она умеет анализировать, и память у нее не короткая. Подмечала и подмечает все его ошибки и просчеты, укоряет – пока что, про себя. А когда все это прорвется, когда она решит высказать все, припомнить... Оставался ли шанс, что до такого не дойдет?

Когда Рамон подошел к пансиону, ноздри издевательски защекотал запах жареного мяса. Костер догорел, и жар углей вытапливал жирок, подрумянивал ароматные кусочки... Мужчина проглотил слюну и пробрался меж множества смуглых, сидящих у входа в здание. У них опять хлеб, еще и мясо! Элинора это видит, понимает. У таких умных и способных беглецов – ничего, а у полудиких, немых бродяг – так много. Здесь, впрочем, у Рамона находилось веское оправдание: вольноходцев была целая армия, а он все делал один. Точно, это все и объясняет! К тому же, эти оборванцы, как теперь думалось, добывали себе все необходимое воровством и обманом. А он не мог им уподобиться, он жил своим трудом, никому не причиняя неудобств или, тем паче, ущерба.

Элинор совсем упала духом, когда услышала, что к чему. Она отставила свой чай, закрыла лицо руками и ничего не говорила. Рамон, не в силах слушать тишину, бормотал, что приходило в голову, сам не понимая, для чего: для утешения, оправдания или просто боялся, что если тоже замолчит, то пропустит пробуждение Магды в любимой женщине.

– Это ничего. Если уж так выходит, что они, эти тараканы, все здесь оккупировали, то мы уйдем отсюда, как бы тяжело мне ни было все это бросать. Мы устроимся в другом месте, учтем старые ошибки, выстроим все с нуля.

Элинор ожила, убрала руки от лица. Ее большие глаза загорелись:

– Неужели ты, наконец, созрел?

– А что остается? Нам с ними не справиться. Пусть подавятся, пусть забирают весь пансион.

– Я рада, я очень рада, что ты дошел до такого решения. Сама второй день... Так, куда двинемся? Говорят, в Хавьере есть отличные...

– Элинор, ты что? Какой Хавьер? Я же говорил тебе: нам нельзя светиться в городе.

Бывшая филомена взглянула на него, словно врач на особенно докучливого душевнобольного пациента.

– Неужели, ты еще надеешься выжить здесь?

Он коротко кивнул.

– И не просто выжить! Знаешь, говорят, нет худа без добра. Охраны больше нет, а значит – мы вольны передви-

гаться по сектору и делать, что нам вздумается. Представь, какие возможности открываются! На том месте, где стоял пост охраны, мы можем возвести себе маленький домик! Или жить в башне. Ты когда-нибудь думала, что будешь жить на сороковом уровне? Так мы это устроим! Уж туда эти черти не полезут, я позабочусь.

– Рамон, мысли реально. Вокруг нас только руины и ничего более. Для жизни они не приспособлены, и даже ты, как сильно бы тебе не хотелось, сколько бы времени ты не потратил на «благоустройство», существенно их не улучшишь. Все останется, как и прежде. Посмотри хотя бы на наш чердак. За что здесь держаться? За картонные стены и жесткую кровать?

– Стены я планировал сделать полноценные, ты же помнишь. Да и мебель однажды можно было бы купить.

Элинор вздохнула:

– Однажды! Рамон, я не хочу однажды! Я хочу жить сейчас. Уверена, ты тоже, милый. Тебе всего лишь надо пересмотреть свое отношение к отдельным вещам.

– Ничего не надо пересматривать, – он мотнул головой. – Я давно решил, как и где хочу жить. И ты тоже решила, как мне казалось. И понимала, что предстоит период лишений.

– Период – да! Но не вечность. А Периферик – это погибель. Сколько ты думаешь протянуть на сухих закусках? Что делать с нехваткой денег, которая скоро начнет ощущаться, раньше или позже – не суть важно? Для пополнения запасов

необходимо выбираться в город. Мы не можем жить в полной изоляции.

Рамон фыркнул:

– Так у нас и нет полной изоляции. Вон, спустись и выйди на улицу, раз тебе одиноко, раз моего общества тебе недостаточно! Там целое поселение рождается у нас на глазах. Они развлекут – только попроси!

Элинор проигнорировала его едкий выпад, боясь потерять мысль, и продолжила:

– Мы с тобой – дура и дурак. Инфантильные, бестолковые. Мы думали, что, уйдя от людей, приблизимся к тому, чего нам так долго не хватало. А на деле – двинулись в противоположную сторону. Сбросили балласт в виде тех, о ком приходилось заботиться, сменили обстановку, отказались от элементарных благ и предсказуемости ради так называемого «оазиса». Но правда такова, что оазис оказался миражом.

– Даже так, да? – буркнул Рамон, уже донельзя раздраженный.

– Да, милый. Несколько недель здесь помогли мне понять, что решение наших проблем не в смене места и уединении, а в нашем отношении к людям. Мы разучились разговаривать, слушать. Твердо решили ненавидеть тех, с кем мы даже не знакомы. И из-за чего? Из-за наших же собственных ошибок и разочарования в своем выборе. То, что я не нашла в себе сил возразить матери; то, что прожила столько лет с нелюбимым и не выстроила нормальных отношений с сы-

ном; то, что угробила молодость на тяжелой и неблагодарной работе – это все мои ошибки. Люди вокруг лишь подыграли мне в моих заблуждениях. Я долго отказывалась принять такую простую правду, потому что было страшно. Тяжело проснуться однажды и понять, что ты слаб и не в состоянии самостоятельно взрастить свое счастье. Ведь с этого момента встаешь перед непростым выбором: продолжить барахтаться в болоте несбывшихся желаний и ненавидеть окружающих, либо же возненавидеть себя и начать грандиозную работу, посмотреть на людей другими глазами, протянуть им руку. Я хочу верить, что второй вариант мне по силам. И тебе тоже. Потому что мы с тобой похожи.

Рамон ожидал, что случится неприятный разговор. Он боялся упреков, истерики. Но столь глубокая речь привела его в замешательство и пробудила смутный страх. Хотел бы он нажать на кнопку «стоп» и проснуться неделей ранее, когда все было предельно просто и безоблачно!.. Впрочем, так было для него, и только – Элинор своим монологом дала это понять. С первых дней совместного проживания она вынашивала мысли, призванные подорвать все его устои и устремления, посеять сомнения и свернуть на желаемую для нее тропку. Такое, увы, он не мог позволить даже любимой женщине.

На смену страху пришла злая уверенность в себе. Возможно, ее вызвали не слова Элинор, но болезненные фрагменты воспоминаний. Перед Рамоном вставали образы же-

ны, тещи, собственного отца, начальника – все они упрекали его в нерешительности, неспособности принять решение без оглядки на кого-либо. Его называли безынициативным, и на этот раз он их заткнет. В кои-то веки Рамон твердо решил, чего хочет, и намеревался эту цель достичь. Он докажет и им, и себе, что от природы не безволен, что таким его сделало окружение. Что в самоизоляции способность принимать решения пробудилась и расцвела в глубинах его разума. И Элинор придется вспомнить, что он – мужчина и иногда вынужден упорно стоять на своем, пусть даже ей кажется, что она права, а он – нет.

– Рамон, не молчи. Тебе тоже надо выговориться, я знаю. Я чувствую, что ты тоже близок к переломному моменту, к переосмыслению. Не противься этому. Я помогу тебе, если ты тоже сделаешь шаг навстречу.

Рамон сделал шаг. Но не к ней, а к закутку со стеллажами. Он дрогнул лишь на секунду, потому как ее голос был очень нежным, убедительным, каким и должен быть голос любящей женщины.

– Ну, куда ты? Давай поговорим! – Элинор последовала за ним.

– Дорогая, мы с тобой еще наговоримся. Надо собирать вещи и идти.

– Куда? Ты все-таки надумал? – с надеждой, граничащей со страхом, спросила она: ведь один ответ ее бы обрадовал до крайней степени, а другой – привел в окончательное рас-

стройство.

Рамон повернулся, держа в руках большую дорожную сумку.

– Я давно надумал. Наш новый дом – Периферик. Продолжай верить мне, и у нас все получится.

– Рамон! Я тебя умоляю, послушай меня! К чему это упрямство? Ты цепляешься за мираж, еще раз тебе говорю! Ни работы, ни друзей, ни уютного дома, ни вкусного ужина. Это – мазохизм, а не жизнь! – в глазах Элинор стояли слезы: обезоруживающие, искренние до боли в сердце, вне всякого сомнения. – Давай еще раз начнем новую жизнь, но уже не по-твоему, а... по-другому, ничего не усложняя? Соберемся с духом, разведемся, ты – с женой, а я – с мужем, и прятаться ни от кого не придется. Научимся жить среди людей без отчуждения. По крайней мере, попытаемся. Как ни крути, а там у нас больше шансов. Мы ведь всего лишь люди. А люди могут быть счастливы только среди людей. Я, наконец, пришла к этому, и ты должен. Иначе...

– Что «иначе»? – резче, чем намеревался, спросил Рамон.

Элинор не дрогнула под тяжелым взглядом. Напротив, он как будто подтолкнул ее к ультиматуму.

– Иначе свои вещи я сложу в отдельную сумку, и уйдем мы отсюда в разные стороны.

Рамон уставился на нее. Исчезли шумные вольноходцы, исчез Периферик, исчезла надстройка. Остались только он, Элинор, столкнувшиеся взгляды и развязка, застывшая в

ожидании его решения.

– Я думаю, если бы ты действительно любила меня, то не заставила бы что-то выбирать, но последовала бы за мной, продолжая верить и помогать в общем деле.

Элинор горько усмехнулась и смахнула приткную слезу.

– Милый Рамон... Если бы ты действительно любил меня, то послушал бы и не стал заикливаться на иллюзии. Это уже болезнь, одержимость. Жаль, что не мной...

У Рамона задрожали руки. Плохой знак. Он поспешно отвернулся от Элинор, сделав вид, что ищет что-то на стеллаже. На деле же ему не хотелось, чтобы она увидела, как против воли начало искажаться его лицо. В столь волнительный момент он просто не удавалось себя контролировать. Могло ли существовать их общее «мы» после двух реплик, которыми они обменялись? Неужели, всё, подошли к краю?

– Что ж, тогда нашему наивному приключению конец... Мне так жаль, просто невыносимо, Рамон. Но я вижу, что мне не достучаться до тебя, не переубедить. Я оставлю тебя наедине с оазисом, а сама вернусь в город. Быть может, мы еще встретимся, и – кто знает.... Береги себя.

Рамон позволил ей обнять себя, но сам не поднял рук, не обхватил за талию, как в прежние времена. Он сдерживался из последних сил. Это была попытка похуже каленого железа. Его бросали, его оставляли наедине с толпой смуглых, посреди осажденного оазиса прямо в данную секунду, и он не мог ничего поделать. Он не мог предать собственное реше-

ние, отказаться от судьбы. А это была судьба, несомненно. Но Элинора? Рамон до последнего верил, что и она была в его будущем, где триумф покоя и гармонии нежно расправил бы крылья над высотками самого грандиозного сектора Гранд-Леонарда, который охранял бы их взаимопонимание, их уникальную, уединенную любовь. Но нет. Ему не суждено иметь все сразу. Наверное, это нормально, наверное – справедливо, просто он еще не мог постичь все хитросплетения высшего замысла. Когда-нибудь поймет, обязательно.

Сейчас же он всего лишь застыл на месте и морщился. Словно тысячи ядовитых жал вонзились в тело, а тысяча первым был ее взгляд... Как бы Рамон хотел ее прямо сейчас возненавидеть, оттолкнуть, спустить по лестнице головой вперед и кинуть вдогонку платья и косметику. Но он даже этого не мог. Слабость, старое проклятье, окутала его под прикрытием нестерпимой боли.

– Ты сможешь мне собрать вещи? И, конечно, я была бы тебе очень благодарна, если бы ты проводил меня через канализацию обратно, – Рамон вырвался из нежных объятий и ответил, скосив глаза на пустую стену:

– Нет нужды идти через коллектор. Вольноходцы выпустят тебя через ворота. Ты их только попроси разрезать...кхм... Прости, у меня дела наверху, – и он поспешил к лестнице на крышу.

– Рамон! – окликнула она его.

– Всё, Элинора, всё. Собирай вещи и исчезни, прошу тебя.

Счастливой новой жизни в комфорте!

Мужчина вновь услышал свое имя, будучи почти у люка, но не обернулся, не отозвался. Необходимо было как можно скорее с этим покончить. Там, наверху, на секунду или две им овладел яростный порыв: разбежаться, перелететь через невысокое ограждение и камнем ухнуть вниз, прямо на бетонный двор. А потом Рамон вспомнил, где находился, пробежал взглядом по пейзажу, который, он был уверен, никогда ему не надоест. Элинора... Что теперь с нее взять. Она не поняла это место, не смогла полюбить его, а значит, была его недостойна. Выходит, и самого Рамона она тоже недостойна?

Ушла. Зато теперь ему никого не придется убеждать, никому не надо угождать, кроме себя. И он может сосредоточиться на любви к каждому окну, каждой колонне, каждому кирпичу, исследовать все, создать себе новое жилище.

Вольноходцы тоже когда-нибудь уйдут вслед за предавшей его женщиной, как ушли охранники. А значит, рано или поздно, он станет единственным хозяином сектора. Он наведет порядок собственноручно, чтобы наслаждаться им день за днем, год за годом.

– Оазис, – крикнул Рамон и почувствовал, как притупляется боль, а взамен по коже начинают разбегаться приятные мурашки. Слово обладало целительной силой, как и виды перед ним. – Оазис!

Проблески

Шипение открывающейся бутылки пива – самый приятный звук за день. Холодное, бодрящее... Оно всегда успокаивало, если потреблялось в небольших количествах. Однако за последние пару часов это была уже третья бутылка в четыреста миллилитров. Рекорд, пожалуй. Диаманд залпом выпил сразу треть, а то и больше, чему виной – вымотавшая его жара. Только к текущему моменту солнце спряталось за окружавшими небольшой беговой стадион высотками. И возник легкий ветерок. А от вод канала прохлады не было, хоть убей.

Диаманд еще одним глотком прикончил бутылку, поставил на бетонный пол и откинулся на спинку сиденья. Отсюда, с верхнего ряда трибуны, вид был неплохой. Стадион стоял посреди искусственного острова в самом широком месте канала, а на противоположном берегу раскинулась набережная с аттракционами, палатками мороженщиков и всяческих торговцев. Через дорогу – среди множества дорогих резиденций и магазинов – высилось здание отеля. Он-то и был интересен. Сумерки приближались, и с их приходом отель превратился в объект развлечения.

Томислав все рассказывал, шутил. Диаманд особо не слушал, но и не останавливал: болтовня трусоватого, но, в общем-то, неплохого паренька его в этот раз не раздражала.

Он позволял ему таскаться за собой, проводить с собой время и называть просто Диам. Простой, понятный Томислав, чего не сказать о подавляющем большинстве... Что в регульере, что на улицах – везде его ровесники были одинаковыми: следовали моде, слушали дурацкую слащавую музыку, сбивались в стаи по интересам. Стоит кому-то одному выделиться из стаи – и все, затравят. Называют себя бунтарями и тут же создают шаблоны, высмеивают правила, но сами по ним живут. И при этом каждый из них считал и будет считать себя уникальным. Идиоты. Ни мозгов, ни характера, чтобы хоть попытаться жить иначе.

– Амди, а ты..., – Томислав, едва открыв рот, получил затрещину.

– Я тебя предупреждал. Никаких «Амди»!

– Да, извини. Хотя мог бы и помягче реагировать. Я-то тебе плохого не желаю никогда, и не издевки ради так...

– Я знаю, кто ты и чего. Хватит. Меня зовут Диаманд. Диам – на крайняк.

Томислав кивнул, поджав губы. Обиделся, черт бритоголовый. Но, зная нрав старшего товарища, не рисковал это подчеркивать. Старая тактика – молчать.

– Ну, говори, чего хотел. Только за языком следи.

Парень подулся для эффекта, а потом спросил, стараясь, чтобы голос звучал легко – как до применения против него воспитательной меры:

– Ты пойдешь завтра на эту... как ее, встречу с комите-

том?

Диаманд не ответил. Томислав решил попробовать еще:

– Я к тому, что у тебя теперь будут собственные апартаменты. Мало кому так везет в шестнадцать лет. Только достиг возраста совершеннолетия, и сразу... – Диаманд хмыкнул. – Что, не пойдешь, значит? Тебе же надо подписать бумаги, принять во владение...

– Плевать я хотел на это владение. Оно не мое. Пусть таким и остается.

– Но ведь с отцом тебе жить не очень нравится? А тут ты мог бы от него съехать.

Диаманд ударил пяткой спинку сиденья, стоящего рядом ниже, и сосредоточенно вслушался в характерный треск пластика.

– Что, бритый, поговорить не о чем больше?

Друг спешно закивал и выставил перед собой ладони:

– Все, все, я понял.

С минуту они сидели молча: назревшая буря утихла без особых последствий.

– Темнеет, – заметил Томислав.

– Начинает, – кивнул Диаманд.

Действительно: табло над беговыми дорожками показывало без двадцати девять. Пронзительный свисток тренера разогнал команду бегуний из молодежной сборной по разделькам. Были среди них и годные к употреблению – Диаманд со своей дальновзоркостью ошибиться не мог. Но в этот вечер

девицы были ему не интересны. Не то настроение. Хотя... Высокая темненькая, покинувшая поле одной из последних, хорошо сложена... Но нет, не сегодня. К тому же, они часто тут тренируются. Никуда не денется.

– Гляди: вон, кажется, Манюр с Рихардом, – Диаманд проводил взглядом потенциальный объект и лишь после обернулся к Томиславу.

– Что? – он не знал, послышалось ему, или друг просто решил пошутить: манюром обычно называли удобрения и им подобное.

Бритый указал рукой в сторону пешеходного моста, что соединял остров с набережной. По нему вразвалку, растопырив локти, шел здоровяк Рихард и с ним – нескладный рыжеволосый.

– Кто такой?

– Манюр, говорю же. Да, знаю, странно. Но это прозвище, а как зовут его, я и сам не в курсе. Помнишь, в дистракционной Хавьера к нам подсел, предлагал подработку у его брата?

– Вспомнил. Я тогда еще сказал ему идти на хрен. Зачем Рихард притащил этого идиота? – Томислав помялся. – Говори, – потребовал Диаманд.

– Рихарду понравилось наше маленькое развлечение в тот раз. Он предложил серьезно поиграть.

Диаманд посмотрел на друга в раздражении:

– Что значит «поиграть»? Вы, не спросив меня, букмекерскую контору решили из моего места сделать? Из того, что

я придумал?

Томислав поспешил уточнить:

– Я не имею к этому отношения. Это он захотел.

Лицо Диаманда приняло свирепое выражение, когда он перевел взгляд на тех, что уже поднимались к ним по проходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.